

АНТОНИЙ,
архиепископ Минский и Белорусский

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ АРХИЕПИСКОП ЯПОНСКИЙ НИКОЛАЙ

Последняя канонизация в Русской Православной Церкви совершилась в 1970 году. Канонизован архиепископ Николай Японский (в миру Иван Димитриевич Касаткин), смоленский уроженец, скончавшийся в Японии 3 февраля 1912 года. При канонизации за свою миссионерскую деятельность в этой стране он получил наименование равноапостольного — одно из высочайших духовных наименований.

Самые эти факты имеют глубокое значение: казалось бы, во второй половине XX века умалывается вера, но ясным светом загорается новая звезда на церковном небосклоне, свидетельствуя о непрерывности возрастания Церкви как Царства Божиего.

Самое же наименование святого «равноапостольным» говорит об этой непрекращающейся связи современной Церкви с первохристианской, апостольской.

Нам привычно представление об апостольстве в плане историческом как о явлении, уже завершившем в мире свое дело. Между тем апостольство — прежде всего явление духа, одна из форм святости. Святость едина, но многообразна. Она всегда — стяжание Духа Святого, по словам преподобного Серафима Саровского в беседе с Н. А. Мотовиловым, но путей этого стяжания много; чтобы выйти из узкоисторических рамок, нам надо понять самую духовную природу апостольства. Оно открывается нам в Евангелии и посланиях святого апостола Павла.

Господь Иисус Христос избрал из Своих многочисленных учеников сначала 12, потом 70 апостолов. Большинство из них были простыми, необразованными галилейскими рыбаками, но были среди них и мытари, был врач и художник — будущий евангелист Лука.

Но у всех этих избранников при разнице их характеров и социального положения было одно общее и непременное, сказанное Христу святым апостолом Петром: «Вот, мы оставили всё и последовали за Тобою» (Мф. 19, 27). Эти люди еще не были святы, они и после избрания и падали, и занимались местническими спорами, и отрекались, как сам Петр, и даже могли духовно погибнуть, как Иуда, но их избранию предшествовал их выбор: оставаться в прежней жизни или оставить все прежнее и дорогое и идти за Христом, оставить рыбацкую сеть в день самого богатого улова, а не в день скудости. Призвание этих галилейских рыбаков подробнее всего рассказано у святого евангелиста Луки. Симон, напрасно трудившийся с товарищами всю ночь, по слову Христа, закидывает сеть, и «они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась». Это было богатство для них и для их семей.

Симон «припал к коленам Иисусовым и сказал: «Выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный»; ужас объял его и всех, быв

ших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных, также и Иакова, и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: «Не бойся: отныне будешь ловить человеков». И, вытащив обе лодки на берег, оставили всё и последовали за Ним» (Лк. 5: 6—11).

«Ловить человеков» — из моря греха — смысл апостольства. Об этом первое слово Господа об апостольстве, а первое деяние призванных — все личное оставить для Господа и следовать за Ним.

А вот подробное наставление двенадцати апостолам, когда Христос посылал их на проповедь: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте, даром получили, даром давайте» (Мф. 10, 8).

Это слово «даром» имеет не узкоматериальное значение. Это — и не продавайте творимых вами чудес, но это — и не прославляйте себя, не приписывайте себе, не используйте чудесных даров лично для себя.

В «Деяниях святых апостолов» рассказывается о волхве Симоне, который «изумлял народ самарийский, выдавая себя за кого-то великого» (Деян. 8, 9).

Когда же в тот город пришел с проповедью святой апостол Филипп, то многие уверовали в Иисуса Христа и крестились.

Примечательно, что тогда уверовал и сам Симон и, крестившись, не отходил от Филиппа, видя совершавшиеся великие силы и знамения. Находящиеся в Иерусалиме апостолы, услышав, что самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, придя, помолвились о них, чтобы они приняли Духа Святого (Деян. 8, 13—15).

Симон же, увидев, что через возложение рук апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: «Дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого» (Деян. 8: 18—19).

Симон, несмотря на то, что «уверовал», помыслил, что благодать и апостольство можно купить и продать и использовать для своей личной выгоды и славы. Он с самого начала хотел именно ее, выдавая себя «за кого-то великого».

Ведая, что это искушение свойственно надшей человеческой природе даже верующих людей, Господь, направляя Своих учеников на проповедь, подчеркнул полное бескорыстие подвига апостольства: благодать и подается апостолу и передается им даром, в самом широком и духовном, и материальном смысле.

Апостол же Петр ответил Симону волхву: «Серебро твое да будет в погнбель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги. Нет тебе в сем части и жребия» (Деян. 8, 20—21).

И, как бы откликаясь на эту заповедь апостолам, святой апостол Павел пишет коринфянам, которые стали приписывать своим апостолам и духовным руководителям большее значение, чем самой христианской идее: «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог... Насаждающий же и поливающий суть одно... ибо мы соработники у Бога» (1 Кор. 3, 6, 8, 9).

Господь предупредил апостолов о тяжести и опасности их подвига. Посылая их на проповедь, Господь говорит: «Будьте, как агнцы среди волков» (Мф. 10, 16). В первой главе второго Послания к коринфянам святого Климента, епископа Римского, современника святых апостолов Петра и Павла, и, по преданию, ученика апостола Петра вероятно, с его слов рассказывается несколько подробнее, чем в Евангелии, об этой беседе Господа с апостолами. «Петр же в ответ на это (эти слова Спасителя) говорит: «А если волки растерзают агнцев?» Иисус сказал Петру: «Агнцы не должны бояться волков после смерти своей. И вы не бойтесь убивающих вас и не могущих ничего более сле-

лать, но бойтесь Того, Кто после смерти вашей имеет власть над душою и телом, власть свергнуть их в геенну огненную» (срав. Мф. 10, 28; Лк. 12, 4, 5) ¹.

Таким образом, последние слова Спасителя, являясь ответом на вопрос апостола Петра, указывают еще на одно условие апостольства: на готовность умереть за свое служение, на земное бесстрашие и единственный страх — страх Божий.

Христос сказал двенадцати апостолам: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10, 19—20). В этом напутствии Христовом апостольство открывается в силе чудотворений, вплоть до воскресения умерших, что мы видим в воскресении апостолом Петром Тавифы, и в силе слова, когда говорит не сам человек, а Святой Дух, обитающий в нем, ибо, только подобными дарами наделенные, могли эти люди пройти до края земли (а они прошли и до скифских степей, и до Индии, не говоря о Риме, Греции, Македонии, Африке) и обратиться ко Христу тысячи людей.

Посылая апостолов на проповедь, Господь сразу сказал о всемирном ее значении. То, что во всех народах должно быть проповедано Евангелие, и указано Христом как один из признаков приближения второго пришествия и Страшного суда (Мк. 13, 10); не сказано, что все народы примут Евангелие, но что всем оно будет открыто, чтобы люди могли сделать свободный выбор: принять или отвергнуть его.

Посылая же на проповедь 70 апостолов, преподав им почти аналогичное первое напутствие, Господь подчеркнул еще одно: всем людям, принимающим благовестие и равно не принимающим, говорить, что «приблизилось к вам Царствие Божие» (Лк. 10, 9). Эта весть о приближении Царствия Божиего должна быть провозглашена даже тем недостойным городам, прах которых должен быть потрясен с ног апостолов. Из области благовестия не исключается ни один народ, ни один город, ни один дом, ни один человек, хорош он или плох. Так дана заповедь о всемирности апостольства.

Апостол Павел говорит, что через Господа Иисуса Христа получены благодать и апостольство, чтобы «во имя Его покорять вере все народы» (Рим. 1, 5), т. е. всемирность проповеди есть назначение апостольства.

Но деятельность апостолов не ограничивалась проповедью, они основывали и устроили церкви, они, как «мудрые строители», клали гвердое основание, и «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор. 3, 11).

«Итак, каждый должен разумеь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих. От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным» (1 Кор. 4, 1—2). Проповедь и домостроительство церковное есть совокупность апостольского делания, которое не прервалось в Церкви до сего дня — все две тысячи лет.

Если последующие периоды церковной истории в основном были посвящены усвоению Евангелия уже уверовавшими людьми и вопросам личной святости, преподобию людей, т. е. устремлению к богоподобию и возрастанию нового человека, то и апостольство не угасало, так как еще не все народы слышали евангельскую проповедь, или пребывая в национальной изоляции, или в духовном первобытном младенчестве.

Но сквозь всю историю человечества молниями прорезаются явления народных просветителей, личный подвиг которых перекрещивается и сливается с их общественным служением.

¹ Писания мужей апостольских. СПб. 1859. с. 173.

Так было в IV веке с императором равноапостольным Константином, утвердившим христианство в Римской империи и этим предопределившим духовную жизнь и культуру входивших в нее народов.

Так было со святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием — просветителями славян, которым обязаны и чехи, и балканские народы, и мы, русские, не только христианским просвещением, но и наработками нашей культуры.

Так было и со святым равноапостольным киевским князем Владимиром, крестившим Русь. О нем мы знаем, как после крещения в корне изменились его характер и личная жизнь, как он стал милосердным, целомудренным и справедливым, как боролся он со следами язычества в собственной душе, но удостоен он наименования равноапостольного за свое общественное служение.

Святость не есть совершенство. Святость — это пламенное стремление к совершенству, и чем оно интенсивнее, тем она выше. Совершенно только Бог. В земной жизни путь святости — это крестный путь, и чем выше святость, тем менее она замыкается в заботу о своем личном спасении. Для апостола же забота о своем спасении перекрывается заботой о людях, обращенных им. Личная жизнь как бы сгорает в огне этой великой любви. Поэтому Церковь и не прославляет в наименовании личного подвижничества апостолов, ни их поста, ни бессребреничества, ни целомудрия, ни даже мученичества, — весь личный их подвиг перекрывается словом «апостольство».

Нам кажется, что апостольство отодвинулось в глубь истории, что на великом князе Владимире, отстоящем от нас почти на тысячу лет, апостольство в России обрывается, если не считать связующим звеном проповедь святого Стефана Пермского, друга преподобного Сергия, проповедь воистину малому стаду, малому племени.

Но в мире еще были миллионы людей, не знавших Христа или не желавших даже узнать христианство, как чуждое им мирозерцание. Западные Церкви посылали своих миссионеров в Африку и в азиатские государства.

Русская Православная Церковь также уделяла много внимания своей миссионерской работе и в Сибири, и на Камчатке, и на Алеутских островах, и на Аляске, в начале XIX века еще принадлежавшей России. Многие малые сибирские народы и в XIX веке еще пребывали в язычестве или были крещены только формально, без глубокого понимания христианских догматов. Не имея своей письменности, они не имели и Священного Писания, и богослужения на своем родном языке. Христианские верования у них смешивались с языческими.

Бессмертным памятником русской миссионерской работы является деятельность ныне канонизованного преподобного Германа Аляскинского, которому обязана своим рождением Православная Американская Церковь. Деятельность этого бывшего валаамского инока перекинулась с наших островов в Северном Ледовитом океане на Аляску и американский материк, и он всего себя отдал на служение просветителя и, по его собственному определению, «няньки» слабых, полудиких племен, населявших те края. Он вносил и духовное, и общекультурное просвещение в самый быт их, общественный и семейный, открывал школы, строил церкви, защищал от злоупотреблений и насилий местных и приезжих начальников и купцов и являл самоотверженной своей жизнью образ истинного пастыря и христианина.

Русская Православная Миссия в Пекине являла пример и братского отношения к китайскому народу, и сочетания религиозной и научной работы. Начальник Русской Православной Миссии середины XIX века архимандрит Иакинф Бичурин стал известным русским востоковедом-синологом.

Китайцам с их тысячелетней культурой нужны были образованные

миссионеры, знакомые с их историей, литературой, искусством и философией, глубоко проникавшие в самый дух этого народа. Китайцам свойственно уважение к знанию, и Русская Православная Миссия в Пекине снискала их уважение. Она и после революции долго сохраняла свои научные традиции и великолепную библиотеку, которой пользовались европейские и наши ученые, приезжавшие в Китай.

Одной из близких нам зарубежных стран была Япония, языческая и буддийская, особенно враждебная вообще христианству. Еще во второй половине XIX века она имела законы, карающие смертной казнью своих граждан за измену отеческой вере и принятие христианства. Правда, к этому времени уже ослабело средостение между Японией и европейцами и началось хотя бы внешнее — политическое и культурное — соприкосновение с европейской и русской государственностью. возникает торговля, смягчающая законы против иностранцев, которым даже разрешается открыть христианские храмы — католические, протестантские и православные, но только для них. А для японцев остаются в силе прежние, антихристианские законы.

Но настал час подлинной апостольской проповеди и для Японии. Поле созрело для жатвы. Промыслом Божиим предназначено было Русской Православной Церкви стать Матерью-Церковью для японского Православия и послать туда апостола, но Японская Церковь с самого начала сохраняла свои национальные черты и строилась она по образу и подобию Церкви первохристианской. Она не несла Японии русификации и национальной нивелировки. Здесь не было и японизации христианства, т. е. примеси языческих и буддийских верований. Связь с Русской Церковью была в духе христианской любви. Русская Церковь помогала и духовным опытом своим, и матерially, а развивалась Японская Церковь органически и самостоятельно.

Конец XIX века и начало XX века стали радостными наблюдателями чуда, подобного древнехристианскому: рождения и возрастания новой Церкви в стране языческой.

Для того, чтобы не только вспомнить, но и постичь, хотя бы в не совершенной степени, это Божие чудо, явленное в эпоху развития техники, революций, войн великих и малых держав, в эпоху, казалось бы, оскудения веры на земле, надо понять и оценить образ самого апостола Японии — равноапостольного святителя Николая и его ближайших сподвижников — японцев и русских.

На стыке двух миров и двух эпох стоят эти люди, поэтому принадлежат они и прошлому и будущему, а не только настоящему, принадлежат народам — русскому и японскому.

ГЛАВА I. ПЕРЕД ПОДВИГОМ

Святой равноапостольный архиепископ Николай (Иван Дмитриевич Касаткин) родился 1 августа 1836 года в Березовском погосте Бельского уезда Смоленской губернии. Отец его, Дмитрий Иванович, был диаконом, мать, Ксения Алексеевна, умерла 34 лет, оставив Ваню пятилетним ребенком. Это была глубоко верующая женщина, сумевшая привить сыну даже в таком раннем возрасте любовь к храму, и физически сильная. Роста она была выше среднего. От нее сын унаследовал ту физическую силу и выносливость, которые ему пригодились впоследствии в Японии, при миссионерской работе. От отца Святитель унаследовал твердую волю, энергию, самоотверженное служение Церкви. Когда потребовался ремонт приходской церкви, диакон Дмитрий взял на себя и деловые хлопоты в казначействе и других учреждениях, и сам прошел со сбором пожертвований семь губерний.

Святитель очень любил отца, благодарно вспоминал его и забо-

тился о нем до самой его смерти, ежемесячно отдавая ему часть своего жалованья.

В многолетней осиротевшей — после смерти Ксении Алексеевны — семье диакона была вопиющая бедность, но Ваню он отдал учиться в Бельское духовное училище и потом — в Смоленскую семинарию, где в то время царили суровые бурсацкие нравы. На каникулы приходилось иногда и пешком ходить домой за 150 верст. Но мальчик прекрасно учился и не терял жизнерадостности. Окончил он семинарию одним из первых и был направлен в Петербургскую духовную академию, где также проявил и способности, и желание учиться, но ничего особенного ни в облике его, ни в поведении не замечалось. Святитель вспоминал: «Будучи от природы жизнерадостен, я не особенно задумывался над тем, как устроить свою судьбу. На последнем курсе духовной академии я спокойно относился к будущему, сколько мог, веселился и как-то отплясывал на свадьбе своих родственников, не думая о том, что через несколько времени буду монахом. Проходя как-то по академическим комнатам, я совершенно машинально остановил свой взор на лежащем листе белой бумаги, где прочитал такие строки: «Не пожелает ли кто отправиться в Японию на должность настоятеля посольской церкви в Хакодате и приступить к проповеди Православия в указанной стране». А что, не поехать ли мне, — решил я, — и в этот же день за всею ночью я уже принадлежал Японии»².

Рассказывая об этом, он однажды прибавил, что, прочитав это объявление, он даже «не остановился». Но это было несколько необычное предложение.

Русский консул в Хакодате Гошкевич писал в своем рапорте Святейшему Синоду, переданном через Азиатский департамент министерства иностранных дел, что на место настоятеля консульской церкви требуется «не иначе, как из кончивших курс духовной академии, который мог бы быть полезным не только своей духовной деятельностью, но и учеными трудами, и даже своею частной жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам».

Далее консул пишет о французском миссионере Мерме де Котон — «человеке вполне образованном и освоившем японский язык». Он приехал сюда, чтобы наладить миссионерскую работу. «Настоятель православной церкви также может содействовать распространению христианства в Японии»³.

Таким образом, уже в самом предложении консула была намечена широкая программа деятельности настоятеля церкви в Хакодате. миссионерская работа и овладение японским языком.

Святейший Синод сообщил об этом предложении консула С.-Петербургскому митрополиту Григорию, а тот — духовной академии, чтобы найти достойного кандидата.

Переломный момент наступил будничным и внешне неприметным образом. В тот же день вечером в академии служили всею ночью. Видимо, в храме во время всею ночью и произошло нечто, о чем Святитель никому не рассказал, но что решающим образом изменило и определило его жизнь. Он почувствовал, что Господь призывает его проповедать православную веру в Японии, что это и есть предназначенное ему поприще. В объявлении ничего не говорилось о желательности монашества для будущего настоятеля церкви в Хакодате — уезжавший священник был женат. Иван Димитриевич раньше никогда не думал о монашестве, хотя знал, что будет на службе Церкви.

«Не ехать ли мне?» — спросил он себя. «Да, нужно ехать, — прозвуч-

² Отдых христианина, 1912, № 2, с. 320.

³ ЦГИАЛ, ф. 796, ед. хр. 572, д. 1859, л. 4

чало в его совести.— Только неженатым. Что-нибудь одно: или семейство, или миссия, да еще в такой дали и в неизвестной стране».— так рассказал Преосвященный Николай архимандриту Сергию (Страгородскому), будущему Патриарху Московскому и всея Руси, о своем решении ехать в Японию монахом⁴.

Видимо, об этом он и думал на той памятной всенощной в академическом храме. Иван Касаткин на следующий день пошел к ректору и попросил его о постриге и назначении в Японию. Ему было 24 года, и он всё оставлял для Господа. Ректор доложил о его просьбе Петербургскому митрополиту, и тот благословил.

Постригавший — епископ Нектарий нарек юношу Николаем и сказал: «Не в монастыре ты должен совершить течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далекую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предложат труды апостольские».

В июле 1860 года иеромонах Николай выехал на место своего служения. С собой он взял Смоленскую икону Божией Матери, которую хранил всю свою жизнь. На его погребении ее несли перед гробом.

Дорога в Японию была долгая и трудная: только поздней осенью он добрался до Николаевска-на-Амуре. За два года до этого Николаевск стал епархиальным городом для Камчатки, Курильских и Алеутских островов, а архиереем был Преосвященный Иннокентий (Вениаминов), позже митрополит Московский и Коломенский, знаменитый своей истинно христианской миссионерской деятельностью среди северных малых народов. Он отнесся отечески к молодому иеромонаху и задержал его у себя почти на год, делясь с ним миссионерским опытом и давая мудрые советы. Это было настоящей миссионерской школой, тем «курсом наук», который академия не могла дать практически.

«Преосвященный Иннокентий являлся в глазах о. Николая новым Стефаном Пермским, некогда просветителем зырян. В молодости, живя на острове Уналашке Алеутского архипелага и бесстрашно плаывая по океану с острова на остров на одноместном челноке из тюленьей кожи, о. Иннокентий Вениаминов методично и ревностно изучал различные алеутские наречия и постоянно записывал свои исследования и наблюдения. Ему удалось поэтому составить алеутский букварь и словарь, а затем и грамматику. По собственным учебникам он обучал туземных детей их языку в основанных им школах. Для своей паствы он написал на алеутском языке ставшую широко известной книгу «Указание пути в Царство Небесное» (выдержавшую ряд изданий и на славянском, и на русском языках в Синодальном издательстве). Он лично перевел на алеутский язык Православный Катехизис и Евангелие от Матфея.

Архиепископ Иннокентий научил иеромонаха Николая еще одному: необходимости помогать своим пасомым в их бытовых и культурных нуждах, обучал их ремеслам, гигиене, санитарному делу и борьбе с болезнями»⁵.

С вниманием относился Высокопреосвященный (уже митрополит Московский) Иннокентий к Японской Церкви и много лет спустя после проводов иеромонаха Николая в Японию.

Мария Александровна Черкасова вспоминает в «Записках русской миссионерки» такое напутствие ей митрополита Иннокентия: «Когда приедете в Японию, сами увидите, что эта Церковь находится под особым непосредственным руководством Божия Промысла и самих лю-

⁴ Архим. Сергий. На Дальнем Востоке. Изд. 2. Арзамас, 1897, с. 95.

⁵ А. Казем-Бек. Апостол Японии архиепископ Николай (Касаткин). К столетию Православия в Японии. «ЖМП», 1960, № 7, с. 49

дей на служение ей Господь избирает». Свидетелями слов этих были Преосвященный Амвросий и Преосвященный Алексий⁶.

В Хакодате иеромонах Николай приехал только в 1861 году. Ехал он, еще сохраняя юношеские мечты и представляя себе «свою» Японию как бы невестой, ожидающей его с цветами и внимающей евангельскому благовестию. Он надеялся встретить там народную любовь и благодарность. Тем более он надеялся на теплый прием у соотечественников в консульстве. Но и это не оправдалось: консул встретил его высокомерно. «Отца Николая русский консул часами держал в передней, отдавая его на унижение перед язычниками, и немедленно выбега с распростертыми объятиями, когда ему докладывали, что русского консула удостоил посещением бонза»⁷. Хотя сам же консул просил прислать ему священника с высшим духовным образованием, но, видимо, молодость и несветские манеры присланного не вызвали в нем уважения. Только позже отец Николай снискал доверие и теплое отношение дипломатического корпуса и даже инославных христиан. На первых же порах он был одинок. Перед ним была в полном смысле этого слова чужбина.

Святитель с горьким юмором вспоминает свою встречу с Японией: «Приехал и смотрю: моя невеста спит самым прозаическим образом и даже не думает обо мне. Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекавшихся слушателей».

Жизнь показала иное. «Японцы смотрели на иностранцев, как на зверей, а на христианство — как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только преступники... Мало того, и правительство издало такой указ: «Если бы Сам христианский Бог появился в Японии, то и Ему голову долой». Надо мной издевались и бросали камнями»⁸.

Япония для христианства не была девственной почвой. В XVI веке оно было уже проповедано католическими миссионерами. Первым из них был Франциск Ксавье. Известен ответ японца Андзиро на вопрос Франциска, будут ли склонны японцы принять христианство: «Народ не готчас согласится с тем, что ему скажут, но потребует подробнейших объяснений всего того, что ему говорят относительно новой религии. И предложит массу вопросов и, сверх того, будет внимательно наблюдать за тем, согласуется ли учение христианства с поведением его представителей. Если все это будет выполнено, то князья, знать и народ несомненно притекут ко Христу, т. е. японцы — нация, следующая за разумом как своим проводником»⁹.

Католическими миссионерами в основном были иезуиты и францисканцы. Вначале они действительно самоотверженно проповедовали, и тысячи японцев приняли христианство. К 1581 г. в Японии было 200 католических церквей. Но к этому же времени иезуиты стали вмешиваться в политику страны и за ними потянулись европейцы — торговцы и колонизаторы, для которых Япония с ее природными богатствами была лакомым куском. Дело доходило и до работорговли. Это настрожило и князей, и народ, и в 1587 г. был объявлен декрет Тостики Хидеси об изгнании иностранцев и запрещении христианства. Начались первые казни христиан: были распяты 6 францисканцев, 3 иезуита и 17 японцев, а в 1624 г. возникло уже массовое гонение на христиан.

Может быть, одним из самых потрясающих событий раннего христианства в Японии было Симбарасское восстание христиан, спровоци-

⁶ Миссионер, 1879, № 43, с. 366.

⁷ Духовный вестник Грузинского Экзархата, 1904, № 19, с. 12; Вера и разум, 1906, кн. II, январь, с. 63.

⁸ Архим. Сергий. Цит. соч., с. 96.

⁹ В. Селезнев. Религиозные верования Японии. Томск, 1904, с. 83.

рованное политическими мятежниками северных княжеств, бежавшими на юг и воспользовавшимися возмущением христиан против начавшихся гонений. Через 25 лет после изгнания европейцев в Симбарассе христиане построили свою крепость, в которой заперлись со своими семьями. Их было 80 тысяч человек. Сначала местные князья, а затем сам сегун (фактический светский правитель) Японии со своими войсками пытался взять эту крепость, но военной силой захватить ее не смогли, христиан сломил голод. Когда они сдались, их поголовно уничтожили, потому что они все, вплоть до женщин и детей, отказались отречься и пройти по Ликам Богоматери и Христа в знак отречения.

Архимандрит Николай неодобрительно отзывается об этом восстании в своей статье «Япония и Россия», подписанной А. Н.¹⁰ Видимо, он считал, что военное сопротивление христиан гонению противоречит евангельскому духу. И действительно мы не имеем в жизни святых примеров такого сопротивления. Кроме того, из японских материалов он узнал, что главари восстания, преследовавшие свои цели, пользовались для пропаганды и народными суевериями, и ложными чудесами, и пророчествами, вводя народ в заблуждение, но остается фактом мученическая твердость этих обманутых людей и глубокая, благоговейная любовь их ко Христу.

Распятие не было национальной казнью Японии, но страна покрылась тысячами крестов, на которых распинались целые христианские семейства, вплоть до детей. А казни были ужасны: христиан и сжигали, и живыми закапывали в землю. Мученики в подавляющем своем большинстве умирали мужественно, не отрекаясь, но были, конечно, и слабые люди. Гонение было настолько жестоким, что оно растянулось на столетия и было узаконено как бы навеки. Отречение требовалось не только от данного лица и его семьи, но и от потомков в третьем и в четвертом колене — отречение предков должно было ими повторяться. От этих страшных времен сохранились литые медные иконы Спасителя и Богоматери, края которых стерты и истоптаны. Отрекавшихся ставили на эти иконы, чтобы они попирали лики, но несчастные пытались стоять на краях икон.

Церкви были разрушены, домашние иконы или уничтожались или вмуровывались в стены, и люди молились на эти стены, помня, что в них святыня. А кругом было язычество с его кумирнями и изображениями богов и богинь. Богиня Кванон изображалась в виде женщины с младенцем. Постепенно образ Пресвятой Богородицы стали смешивать с изображением Кванон: похоже и безопасно. Очень распространенный в Японии культ Кванон носит следы почитания Богоматери — милостивой Заступницы и Покровительницы.

И так шли столетия, вплоть до конца XIX века. Народу систематически прививалось представление о христианстве как о зловредной секте изменников родины и колдунов. Если вообще иностранцы были в Японии на подозрении, то к духовенству христианскому были наибольшие ненависть и презрение.

В такую атмосферу и попал иеромонах Николай.

Сама страна настолько отличалась от всех его представлений о ней, что очень скоро он понял необходимость изучить и ее, с ее историей и культурой, и язык. Без этого вся миссионерская деятельность была невозможна. Об этом и пишет иеромонах Николай директору Азиатского департамента министерства иностранных дел П. Н. Стремоухову: «Отправившись в Японию в звании настоятеля консульской церкви, но с миссионерской целью, я старался в продолжение моего восьмилетнего пребывания там изучить японскую историю, религию и дух японско-

¹⁰ Древняя и новая Россия, 1879. т. XV, октябрь, с. 219.

го народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны Евангельской проповедью.

Конечно, в миссионерских видах я никак не рассчитывал на собственные силы, но мне казалось святотатством просить себе сотрудников прежде, чем я уверюсь, что их силы, отвлеченные от непосредственного служения России, не будут потеряны для людей вообще. Чем больше знакомлюсь со страной, тем больше убеждаюсь, что очень близко время, когда слово Евангелия там громко раздастся и быстро понесется из конца в конец империи».

Уже в этом отрывке письма сказались и характер и умонастроение иеромонаха Николая. Здесь и указание на его изучение страны в эти первые 8 лет пребывания в ней, и любовь к родине, и чувство ответственности перед ней; он действительно нес свое служение Господу «со страхом и трепетом».

Как работал он в эти годы, изучая Японию и ее культуру и язык, мы знаем. Были приглашены три учителя; они уставали, но ученик не уставал. «Первый учитель прозанимался два дня и больше не приходил, боясь преследований»¹¹.

Но святой Николай не ограничивался занятиями у местных учителей. Он не упускал случая посетить какого-нибудь заезжего рассказчика¹².

Ходил о. Николай слушать и буддийских проповедников. Об этом гоже рассказывает архимандрит Сергей в «Письмах русского миссионера». Сведения эти драгоценны для раскрытия характера святителя Николая и глубокой жизненности всей его деятельности — и миссионерской, и научной. Апостол Павел, произнося речь в Ареопаге, ссылаясь на эллинского поэта; святитель Николай готовил себя к проповеди на японских шхунах и в японском обществе, в японской столице и в северной рыбацкой деревне. Он должен был усвоить и приемы японского красноречия, и самую манеру японского мышления. Поэтому от книг он отрывается, чтобы идти в «говорильни», обедает в дешевых столовых, заходит в кумирни. Он должен был узнать, чем живет умственно, духовно и фактически этот народ и как он молится в городе и в деревне.

Если апостол Павел для эллинов становился эллином, то святитель Николай для японцев стал японцем. Эта внутренняя установка прошла через всю дальнейшую жизнь и деятельность святителя Николая.

Через 8 лет иеромонах Николай уже бегло говорил по-японски, пользуясь литературным языком. Он знал историю страны лучше многих японцев, как они сами это признавали.

В 1869 г. иеромонах Николай публикует в журнале «Русский вестник» (№ 11, с. 207—227) свой исторический очерк, по японским источникам, «Сеогуны и микадо», представляющий интерес и в наше время. О нем говорит в своей докторской диссертации известный востоковед В. М. Константинов. О. Николай постиг самый дух страны. А постигнуть его можно, только полюбив. Об этом духе Японии он впоследствии сказал на Большом Соборе Японской Миссии в 1903 г.: «Смело могу сказать, что и теперь, как прежде, в так называемом «Ямато-дамасии» (японская душа или дух японцев) живет самоотверженное мужество... Другой замечательной чертой Ямато-дамасии нужно счи

¹¹ Архим. Сергей. Письма русского миссионера. Богословский вестник, 1896 май, с. 298—316.

¹² Рассказчик — это особый вид профессии в Японии, наподобие нашего писателя-беллетриста. В каждом городе была особая общественная зала — «говорильня», где происходили собрания. В несколько чтений рассказчик излагает целую историю. Все это стенографируется, а потом печатается, и роман готов. Слушать такого рассказчика полезно не только для обучения языку, но главным образом для изучения японской жизни.

гать непоколебимую веру в себя, заставляющую японский народ неуклонно стремиться к раз намеченной цели... Этого мало. В глубине национального духа японцев, несомненно, живет удивительная религиозность, а отсюда и самоотверженность в деле служения религии... Не сомневаюсь в том, что вы, если станете искать, найдете и здесь таких отцов, как евангельский Зеведей, не возбранявший детям своим оставить себя и всё и следовать за Спасителем, и найдете также своих сынов Зеведеевых, готовых бросить отцов своих и всё, чтобы служить Богу и Спасителю своему»¹³.

В это же время он освоил и английский язык, уже являвшийся в Японии международным для иностранцев. Скромную русскую православную церковь в Хакодате и ее настоятеля узнали и инославные христиане, и уже с тех пор святитель Николай снискал их уважение, сам относясь к ним мирно и доброжелательно. «У инославных христиан тогда еще не было духовных лиц, а вот о. Николай стал пастырем для всех них. Многие больные звали его, ища себе духовного утешения. Все семейные события, праздники гражданские не обходились без о. Николая. Все христиане таким образом, без различия вероисповеданий, сплотились среди ненавидящей их толпы язычников в тесный кружок около отца Николая»¹⁴.

Свои наблюдения над Японией иеромонах Николай сообщает в письме к Стремоухову: «Здесь образование не высоко и не глубоко, но зато разлито почти равномерно по всем слоям народа... Весной вы идете по улице и видите толпы ребятишек, пускающих змея. Нас заинтересовала чудовищная рожа, намалеванная на змее. Спросите у ребятишек, кто нарисован. Они наперерыв друг перед другом поспешат рассказать, что это — кикимора или Такаудзи или другой, и будьте уверены, что расскажут историю удовлетворительно: мать или старший брат, готовя им змея, позаботились в то же время ознакомить их с этими историческими лицами; здесь такое множество общественных библиотек и так баснословно дешево берут за чтение книг, что вам даже не нужно трудиться ходить в библиотеки, потому что книги разносятся ежедневно по всем улицам и закоулкам».

Читая это письмо, видишь, как молодой о. Николай идет по японской улице, разговаривает с детьми, наблюдает остро и пронизательно народную жизнь — семейную и общественную.

Дальше в письме философский вывод: «Гений народа не может развиваться без взаимодействия других народов. Японцы одарены удивительной упругостью духа».

Известный востоковед Г. Востоков также говорит именно об «упругости» японского характера: «Европеец упирается в определенный народный характер, который при всей своей гибкости очень упруг и стоек»¹⁵.

Иеромонах Николай дает дальше наглядный пример этой японской «упругости»: «Весь наплыв китайской цивилизации был как будто чем-то допущенным по уговору на время; теперь она не нужна, и японцы легко и свободно бросают ее, как сбрасывают устарелое платье, и смело, можно сказать, дерзкою рукою хватаются за все европейское...» Все это писалось почти 100 лет назад, но как оно перекликается с заметками о современной Японии советского журналиста В. Овчинникова, опубликованными в журнале «Новый мир» за 1970 г., №№ 2 и 3. «Японский характер очень гибок, податлив, но вместе с тем стоек, как бамбук». Или: «Поневоле напрашивается мысль, что кажущаяся податливость японской природы подобна приемам дзюдо:

¹³ Церковные ведомости, 1903, № 13, с. 516—517.

¹⁴ Архим. Сергей. Цит. соч., с. 97.

¹⁵ Г. Востоков. Общественный, внешний, религиозный быт Японии. СПб., 1904

уступить натиску, чтобы устоять. т. е. уйти на перемены с тем, чтобы остаться самим собой»¹⁶.

Говоря об европейском влиянии на японскую культуру, будущий Святитель не мог не задуматься о возрастающем значении атеизма. В докладе Стремоухову от 12 июля 1869 г. он писал: «В Европе атеизм всегда служит характеристическим указателем успеха в науке и поднятня умов на высокую степень развития. Впервые поставив ноги на эту ступень в порывах безотчетной радости, венчающей успех, провозглашают на все лады торжество ума человеческого, его всемогущество, высшую авторитетность, не хотят оглянуться ни на что другое,... но неистощима человеческая нравственность идеалов святости.

Но не то в языческих странах вообще, не то и в Японии. Атеизм высших обществ и индифферентизм низких происходит прямо и положительно от недостаточности религиозных учений, оттого, что народ исчерпал их до дна»¹⁷.

Японцы знали три религии: синтоизм, буддизм и конфуцианство. Синтоизм (в переводе «путь богов») обожествлял всё в природе: источники и лотосы, грозу и солнце. В его пантеоне было до 8 миллионов богов, духов-покровителей и злых духов. Культ этот был тесно связан с национальным чувством, с патриотизмом и обожествлением императорской династии, возводившей свою родословную к богине солнца Аматерасу. Почти в каждом селении, не говоря уже о городах, был синтоистский храм; перед ним стоял торий (в переводе «намест») — два столба с поперечными перекладинами. Это связывалось с мифом о мировой тьме, которая наступила, когда богиня солнца в обиде удалась в пещеру, но перед входом, чтобы как-нибудь выманить ее оттуда, поставили намест для пестуха и зеркало. Петух закричал, богиня выглянула, увидела в зеркале свое изображение, залобовалась собой и вышла, и свет опять засиял на земле.

Никаких моральных заповедей синтоизм не знает, но чувство своего несовершенства и элементы покаяния в некоторых молитвах все-таки просвечивают. В основном же это восторг и преклонение перед красотой природы, восторг даже не мистический, а скорее эстетический. Есть определенные обряды, богослужение, гимны, возвеличивание богов и родины. Храмы обслуживаются жрецами, часто наследственными; имеются даже своеобразные языческие служебники.

Буддизм пришел сюда из Индии через Корею и позже через Китай, с напластованием уже китаизма, а не в чистом виде. Он принес с собой не только духовную проблематику, но и иероглифическое письмо и влияние китайской, более древней, культуры и литературы. Нравственные проблемы он ставил глубже, чем синтоизм, говорил и о грехе, и о страдании, и о смысле жизни, но выход находил в преодолении всех желаний и в теории перевоплощения. По этой теории, бесчисленное количество раз перевоплощаясь, человек постепенно очищался, причем судьба его в каждом воплощении определялась его поведением в предыдущем; здесь он получал возмездие за причиненное им тогда зло и награду за добро. Эта зависимость жизненных причин и следствий называлась кармой. В более вульгаризованном, народном буддизме одно и то же существо могло воплощаться и животным, и птицей, и человеком, именно в силу этого закона причины—следствия; в более одухотворенном и философском — этот путь перевоплощений человека вел к нирване — одновременно небытию и чистому бытию, где уже нет ни желаний, ни пристрастий, ни стремлений; но считалось, что некоторые высокие души, уже достойные нирваны и ни в чем не нуждающиеся, из сострадания к более слабым возвращались в

¹⁶ В. Овчинников. Ветка Сакуры. Новый мир, 1970, № 2, с. 178

¹⁷ Иером Николай. Япония. Русский архив, 1907, апрель

мир как учителя и помощники людей. Таковы будды и многочисленные бодисатвы, которые в какой-то мере обожеествлялись; им строились храмы, им молились, хотя буддизм не исповедовал Бога Творца и не нуждался в Божественном Спасителе—Мессии. Здесь было как бы самоспасение и самоусовершенствование людей на кругах перевоплощений; не было здесь и подлинной духовной жажды и утоления ее, хотя буддизм знал и аскетизм, и своеобразное монашество, целью которого было раскрытие в человеке обычно скрытых психических сил, развитие ясновидения и т. п., а не истинное познание и не стяжание Духа Святого, к чему стремится православное подвижничество. Поэтому буддизм и не мог удовлетворить алчущих и жаждущих правды, которые есть в каждом народе и которые в этой языческой стране действительно были, как овцы без пастыря. Синтоизм, признанный государственной религией, мирно уживался с буддизмом, Будда и бодисатвы которого безболезненно вошли в многомиллионный сонм языческих богов и духов природы, чтимых синтоизмом.

С обрядовой же стороны также не было особой конкуренции: радостные народные праздники, свадьбы, рождение ребенка, посвящение его духам-покровителям отмечались в синтоистских храмах, более печальные церемонии — в буддистских кумирнях. Многие японцы исповедовали как бы две религии, посещая и те и другие храмы.

Чувство благоговения развито было мало. Известен случай из позднейшего периода жизни святого Николая, когда он посетил кумирню, где не было ничего подходящего для сидения. Японцы обычно сидят на полу, на циновке, называемой татами. Гостеприимный жрец предложил посетителю сесть на жертвенник.

Из Китая пришло в Японию и конфуцианство, которое было скорее моральной, чем религиозной системой. Оно как бы упорядочивало отношения младших и старших, подданных к правителям, детей к родителям и старшим родственникам, служащих к хозяевам и начальникам; оно устанавливало как бы нерархическую лестницу, определяло нормы семейной и общественной жизни и по самому существу своему было глубоко рационалистично.

Но оно привилось к японскому социальному устройению. Многие века здесь все было регламентировано, начиная с того, что земледелец мог строить себе жилище не больше определенного и есть определенную пищу; каждый класс общества нес совершенно определенные обязанности, а в семье неизбежна была власть родителей и даже положение детей в домашнем кругу определялось по старшинству. Конфуцианство было созвучно этому исконному японскому строю.

Иеромонах Николай пришел в эту страну бороться с язычеством и проповедовать христианство. Тут могло быть два пути. Первый — это резкое осуждение и синтоизма, и буддизма, и конфуцианства, как заблуждения, не взирая ни на происхождение их, ни на историю народа, ни на искренние духовные поиски в течение столетий лучших их представителей, по-своему жаждущих и алчущих правды. Этот путь мог бы быть для апостола путем праведного гнева, ревности Ильиной. Сердечным желанием свести огонь с неба на храмы языческие.

И мог быть иной путь — понимание духовных исканий, и исторических процессов, и тех зерен добра и правды, тех отсветов Божественного Откровения, которые все-таки были в этих ложных учениях и как бы подготавливали народ к принятию истины христианской. На этом втором пути должно было, не оскорбляя религиозных чувств язычников, привести их к сознанию неполноценности их древних религий.

Святитель избрал этот второй путь еще с первых лет своего пребывания в Японии. Вот слова еще молодого иеромонаха Николая о конфуцианстве в выше цитированном письме его к Стремоухову, свидетельствующие о глубине и широте понимания этого вероучения: «В кни-

гах Конфуция выразился не частный человек, выразился сам Китай в его характеристических хороших чертах, в том, что он вывел доброго из своей натуры, и это, следовательно, может и должен хранить, как свое собственное. В эпоху материального истощения Китая перед ним поставлен был живой портрет его самого во времена физического и нравственного здоровья. Мог ли Китай не узнать сам себя и не полюбить в прежнем виде, а, полюбив, не поставить себя перед собою, как образец, на вечные времена?»

Так молодой ученый понял силу и значение конфуцианства для Китая и для зарождавшейся японской культуры, но он видел и современное, конца XIX века, состояние конфуцианства, уже не могущего удовлетворять японцев, у которых возникли более высокие духовные потребности и свое национальное самосознание.

Архимандрит Сергей, верный помощник в миссионерстве Преосвященного Николая, в своей книге «На Дальнем Востоке», говоря о современном ему конфуцианстве, четко формулирует: «Всего у него в меру, всё в порядке, всё по закону, всё ограничено одной землей. Хорошо, если человек возьмет от Конфуция его житейские правила, без их подкладки, если догмат приличия приложит себе и своей душе, понимаемый по-христиански, тогда, конечно, много хорошего можно ожидать от такого человека: и твердости убеждений, и последовательности в проведении их в жизнь. Но если с формой восприятия будет и дух, тогда выше земли человеку не подняться»¹⁸.

Тут мы видим, что принципиальная установка отношения Святителя Николая к старым японским вероучениям сохранялась в работе руководимой им Православной Миссии и в позднейшие годы его жизни.

Поэтому отец Николай и ощущал Японию как поле созревшей жатвы. К подвигу жатвы надо было готовиться и умудренно, и нравственно. Через 8 лет пребывания в Хакодате — в напряженном изучении языка, культуры и быта Японии — отец Николай стал не только ученым востоковедом, но и настоящим монахом, пройдя через горнило духовной борьбы. Хотя первые японские духовные чада появились у него через 3—4 года после приезда в Японию, но на широкий миссионерский путь он смог выйти во всеоружии духовного опыта лишь через 8 лет. «Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага: мир, плоть и диавол — со всей силою восстали на меня и по пятам следовали за мной, чтобы повергнуть меня в первом же темном узком месте, и искушения эти были самые законные по виду: «Разве я, как всякий человек, создан не для семейной жизни? Разве не можешь в мире блистательно служить Богу и ближним? Разве, наконец, не нужны ныне люди для России более, чем для Японии? И т. д. Тысячи наговоров выливают тебе в уши, и это каждый день и час, и наяву и во сне, и дома в келье, и на молитве в церкви. Много нужно силы душевной, великое углубление религиозного чувства, чтобы побороть все это». Эти слова — важнейший документ современного подвижничества. Суть искушений остается вековой — та же и в Фиваиде, и в XIX—XX веке, но формулировка современна. Суть — мир, плоть и диавол, как это сформулировал сам Святитель.

Но конкретное содержание этих искушений говорит об эпохе, особенно во втором и в третьем искушении: блистательно (непреренно, блистательно!) служить Богу и ближнему в миру и при этом служить Родине, России, а не далекой языческой стране. О семейной жизни думал и древний подвижник, но вот этот благороднейший соблазн служения Родине говорит о понимании молодым иеромонахом нужд тогдашней России и роднит его с передовой молодежью того времени, а слово «блистательно» свидетельствует о сознаваемой им мере своих

¹⁸ Архим. Сергей. Цит. соч., с. 247.

сил. Но он искал правильной точки приложения этих сил и способностей, истинного пути служения Богу и ближнему, лишённого всякого духовного и душевного своекорыстия, и в конце концов в этой ежечасной, по его признанию, борьбе он остался победителем.

Только изучив японскую культуру и язык, только поняв противоречивость и сложность японского характера и только победив самого себя, он смог выйти на апостольский подвиг. В это время ему было около 33 лет. Мера возраста Христова.

ГЛАВА II. ПОДВИГ

Будущий Святитель Николай, тогда еще иеромонах Николай, был настоятелем православной церкви при русском консульстве в Хакодаге. Он уже увидел злобное отношение местного населения к иностранцам, и особенно к духовным лицам.

В дом консула Гошкевича приходил давать уроки фехтования его сыну синтоистский жрец, самурай Савабе. Японцы очень искусны в фехтовании, а в самурайских семьях, как это было и у европейских рыцарей, особое внимание всегда уделялось владению оружием. Савабе происходил из знатного, но обедневшего рода Кувазу, с острова Сикоку, провинции Тоси, и зарабатывал уроками фехтования, странствуя по разным городам и селениям Японии. Поэтому он хорошо знал свою страну. Наконец, придя в Хакодаге, он женился на дочери Савабе — жреца древней синтоистской кумирни, приняв не только его фамилию, но и жреческий сан, наследственный в этой семье, и место служения своего тестя.

Сам Святитель Николай так рассказывает о Савабе и о своем знакомстве с ним: «Мирно и безмятежно жил Савабе в язычестве. Будучи жрецом древнейшей в городе кумирни, он пользовался уважением народа, получая значительные доходы и зная только довольство и счастье. В семействе у него была прекрасная молодая жена, маленький сын и мать жены. Горд он был своим отечеством, верой своих предков, а потому презирал иностранцев, ненавидел их веру, о которой имел самые неосновательные понятия»¹⁹.

Встречая Савабе, отец Николай замечал особую враждебность этого человека, глядящего на него с нескрываемой ненавистью, и однажды спросил его: «За что ты меня ненавидишь?»

Тот ответил: «За твою веру. Вы пришли к нам, чтобы погубить нашу страну и посеять среди нас измену».

— А знаешь ли ты христианское учение?

— Не знаю.

— Так справедливо ли осуждать то, чего ты не знаешь?

Савабе был фанатиком-язычником, но он был честным и справедливым человеком, и хотя не охотно, но все же сумрачно согласился: «Ну, говори!»

Тогда началась первая огласительная беседа миссионера со жрецом. Это было уже через три года после приезда святого Николая в Японию, и он уже мог излагать свои мысли по-японски.

В рапорте Святейшему Синоду о своих беседах отец Николай отмечает и реакцию слушателя, видимо, типичную для этого народа, так как здесь те же черты, о которых говорил в XV веке японец Анзиро французскому миссионеру Франциску Ксавье: пытливость, рассудительность, проверка слышанного не только чувством, но и рассудком.

Когда иеромонах Николай стал рассказывать Савабе историю Ветхого Завета, тот сразу «вынул бумагу и кисть и стал записывать, что

¹⁹ Об учреждении Православной Духовной Миссии в Японии. Рапорт архимандрита Николая от 15 января 1872 г. ЦГИАЛ. ф. 796, оп. 151, № 1422а, л. 287.

было говорено». «Речь на каждом слове прерывалась возражениями и объяснениями, но со дня на день возражений становилось меньше, и он тем усерднее продолжал ловить на бумагу каждую мысль и имя».

О своих беседах с Савабе святой Николай писал митрополиту Петербургскому и Новгородскому Исидору: «Ходит ко мне один жрец древней религии изучать нашу веру. Если он не охладает или не погибнет от смертной казни (за принятие христианства), то от него можно ждать многого». Савабе спорил и рассуждал, но благодать Божия действовала на него, и он все более принимал к христианскому учению.

Об этих беседах епископ Николай вспомнил 2 июня 1891 г. на торжестве тридцатилетия прибытия его в Японию: «Какова была моя радость, когда я стал замечать, что слушатель с напряженным вниманием стал прислушиваться к изложению нового, неизвестного ему учения и его дотоле горделивая мысль стала смиренно склоняться перед поражающей истиной. Видимо, Сам Бог направил его мысли на истинный путь»²⁰. Уверовав, Савабе признался отцу Николаю, что хотел убить его, и тот в вышеупомянутом докладе директору Азиатского департамента Стремоухову написал: «Самурай Савабе пришел меня убить. Только помощь Божия спасла меня от неминуемой смерти тем, что в душе Савабе произошел неожиданный переворот, и я его крестил своими руками». С крещением японца святой не торопился, бережно следя за его духовным ростом. «Перед моими глазами совершился процесс рождения нового человека к новой жизни благодатию Божиею, а за моими глазами начался уже другой процесс испытания и укрепления сил новорожденного Павла». Павлом — в честь святого апостола Павла — был наименован при крещении японский Савл — бывший ярый враг христианства, первенец Японской Православной Церкви.

А. Казем-Бек в статье «Апостол Японии Архиепископ Николай (Касаткин)»²¹ приводит письмо иеромонаха Николая от 20 апреля 1865 г. без указания адресата (по всей вероятности, митрополиту Исидору). «Жрец с нетерпением ждет от меня крещения. Он хорошо образован, умен, красноречив и всей душой предан христианству. Единственная цель его жизни теперь — послужить отечеству в распространении христианства, и мне приходится постоянно останавливать его пробы, из опасения, чтоб он не потерял голову прежде, чем успеет сделать что-либо для этой цели».

Савабе привлек к христианству своего друга врача Сакая. Тот в крещении получил имя Иоанна.

Об обращении других первохристиан — Иоанна Сакая и Иакова Урано — и о ревности, проявленной Сакаем и Петром Томи, также вспомнил Святитель на праздновании тридцатилетия своего пребывания в Японии. «Вторым христианином был у нас г-н Сакай Иоанн. Это был местный врач и близкий друг г-на Савабе. Обращенный в христианство, Савабе старался склонить к тому же и своего друга, но Сакай был силен в диалектике, и трудно было победить его; тогда г-н Савабе стал почаще приглашать его ко мне, и мы вдвоем убеждали его. Наконец и г-н Сакай был крещен и даже посвящен в сан священника, в каковом сане скоро, по болезни, и скончался. Третьим христианином был г-н Урано Иаков, также бывший врач. За ним было совершено святое крещение в Хакодате над нынешним о. Иоанном Оно, а затем крестились и некоторые другие. Но означенные лица были главными из первых наших христиан.

²⁰ Н. Левитский. Православие и православная миссия в Японии. Православный благовестник, 1901, т. II, кн. I, № 13, с. 190.

²¹ «ЖМП», 1960, № 7.

После того всё более и более увеличивалось число принимающих святое крещение, и стала предвидеться возможность систематического распространения христианской веры в Японии. С этою именно целью, для получения на это официальных полномочий, я отправился на время в Россию, и, получив там на это разрешение и благословение у Святейшего Синода, опять возвратился в Японию. По моем приезде, скоро меня навещил г-н Савабе и между прочим сообщил мне о странном, во время моего отсутствия из Японии, поведении г-на Сакая, который проводил все время в заботах о возможно большей выручке денег из своих занятий, тогда как остальные христиане старались, напротив, всем делиться со своими братьями. Услышав об этом, я хотел было обличить г-на Сакая, но, с приходом последнего, дело тотчас объяснилось. Явившись ко мне, г-н Сакай представил собранные им сто иен (около двухсот рублей), которые пожелал употребить на дела Церкви. Так разъяснилось недоумение г-на Савабе относительно странного, по-видимому, поведения г-на Сакая. Другой, подобный, по своей видимой странности, случай произошел с г-ном Томи Петром. В одно время все заметили его внезапное исчезновение куда-то. Никто не знал, куда он скрылся. Я спросил жену, но и она не знала, хотя ее лицо не выражало ни горя, ни даже особой озабоченности. Все это было весьма загадочно и продолжалось довольно долго. Но вот, спустя 11 дней после этого, однажды вечером, около одиннадцати часов, г-н Петр Томи является ко мне в сопровождении брата г-на Сакая. Вижу — худ до невероятности, кости сильно выдались на совершенно изменившемся в своем цвете лице; просто жалко было смотреть на него. На мои вопросы — где он был и почему так сильно исхудал, он ответил, что все это время он проводил в воздержании от сна и пищи и в молитве о скорейшем просвещении братьев-язычников тем светом истины, которого он сам недавно сподобился. Услышав обо всем этом, я был очень изумлен столь трогательным проявлением горячей ревности по вере. Но все-таки я должен был заметить ему, что такое дело впредь нужно совершать согласно с установлениями Церкви, ибо иначе можно принести сильный вред своему здоровью»²².

Рассказ этот характеризует не только японских первохристиан, но и самого святого Николая, еще в молодости избравшего средний, «царский» путь: ни в его духовном руководстве, ни в его личном подвижничестве не было чрезмерных подвигов, аскетических крайностей (особого поста, вериг, власяницы и т. п.). Была личная умеренность в жизни, было самоограничение в текущих житейских обстоятельствах и всецелая самоотдача служению Господу и ближним — не изыскание особых подвигов, а терпеливое ношение посылаемых испытаний.

Савабе и Сакай стали первыми проповедниками христианства в Японии, особенно в тех областях, куда отец Николай, как иностранец, не имел доступа. Для иностранцев были открыты только несколько портов. Глубинная Япония почти вся была запретной зоной.

До крещения Савабе продолжал исполнять обязанности жреца, но делал это так: служа, он клал на жертвенник Евангелие (на китайском языке), читал его вместо языческих молитв, но в нужные по обряду моменты бил в барабан, как полагалось. А после крещения он не стал скрывать своего обращения и отказался от жреческой должности. Это вызвало возмущение его бывших прихожан; они оскорбляли его, плевали; жена от горя и ужаса помешалась и подожгла свой дом; местные власти, согласно тогдашним законам, арестовали его и посадили в подземную темницу, где условия были таковы, что никто здоровым из нее не выходил. Павел Савабе все терпел, ожидая грозившей ему смертной казни, а его духовный отец неустанно и пламенно за него

²² Японские церковные ведомости, 2 июня 1891 г.

молился. От казни спасла Савабе отмена древнего закона, его освободили, но из тюрьмы он вышел нищим отверженцем.

Его восьмилетнего сына, по наследственному праву семьи Савабе, сделали жрецом, и этим он кормил себя и большую мать, а отец всецело предался странничеству и проповеди христианства.

В 1874 г. святой Николай, по возвращении в Японию, пишет в Россию, просит материальной помощи для Савабе: «Я вижу, как он страдает за участь сына: исполненный ревности о Христе, напоминающей ревность апостола, высокое имя которого носит, посвятивший себя безраздельно на дело призыва ко Христу других людей, он на все время находит себя вынужденным родного сына своего оставить служителем языческих богов! Какая несообразность обстоятельств! Люди за свои полезные труды получают чины, кресты, деньги, почет! Бедный Савабе трудится для Христа так, как редкий в мире трудится: он весь предан своему труду, весь в своем труде, и что его труды не суетны, свидетельствуют десятки привлеченных им ко Христу. И что же он получает за свои труды? — Тяжкое бремя скорбей, до того тяжкое, что редкий в мире не согнулся бы или не сломился бы под этой тяжестью.

Высочайшею наградой для себя он счел бы, если бы кто выкупил его сына у языческих богов и отдал ему для посвящения Христу. И какое утешение было бы бедному труженнику, которого, кроме других скорбей, постоянно гнетет мысль, что, зовя других ко Христу, он оставляет родное детище вдали от Него дышать тлетворным воздухом кумирни».

«До октября 1878 г. Савабе помещался в той же темной кладовой, в которой я застал его по приезде в Хакодате из России (куда святой Николай ездил по делам Миссии), но случившийся в этот день пожар истребил и это его жилище со всем его имуществом, и пошел Савабе с семейством бродить из конца в конец города, ища более сходных квартир. Погоня за дешевизной загнала его в предместье города, в пустой, полуразрушенный дом, открытый всем страшным здесь осенним ветрам».

В своем рапорте Святейшему Синоду от 15 января 1872 г. архимандрит Николай дает высокую оценку и личности, и деятельности Павла Савабе: «Он никогда не оскудевал духом и, напротив, находил в себе достаточно бодрости и умения, чтобы, кроме семейства, поддерживать и утешениями и даже материальной помощью множество своих друзей, по сочувствию к христианской вере, среди заключенных в крепости пленников (во время последней вспышки гонения на христиан и гражданских смут) или укрывать и пропитывать других, избежавших плена и тюрьмы». Особенно пострадали проповедники.

Далее архимандрит пишет: «А затем, по минованию военных тревог, к нему стали собираться из других провинций люди, наслышавшиеся о христианстве».

Нищету терпел не один Савабе, но и другие проповедники (Иоани Сакай, Иаков Урано и др.). «Сердце сжимается от скорби, когда подумаешь, сколько они вместе перенесли бедности и тесноты». Проповедников было немного, и обычно один проповедник должен был обслуживать несколько районов.

Святой Николай рассказывает о жизни Савабе еще в той, впоследствии сгоревшей темной кладовой близ кумирни, что там, где ему и самому с семейством было тесно, у них подологу жили до 10 человек посторонних, и всё это были люди, не знавшие до того бедности, люди знаменитых фамилий, высоких чинов; «любовь к едва в некоторых чертах узнанному Христу заставила их терпеть всё это»²³.

²³ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 151, ед. хр. 1922а, л. 287

Такие свидетельства святого Николая о первых годах существования Японской Православной Церкви заставляют вспомнить первохристианскую Церковь. Именно по ее образцу и насаждал святой Николай японское православие. Он брал этот образец в чистом виде, как бы непосредственно из рук святых апостолов Христовых. Даже многие внешние обстоятельства здесь совпадали. Затихли, хотя еще не прекратились, гонения за веру, но еще не исчезло предубеждение против христианства. Если в России XIX века христианство было государственной религией и обычным семейным вероисповеданием, то в Японии оно было едва терпимо, а в начале пребывания святого Николая в этой стране даже запрещено для японцев под страхом смертной казни. При своем первоначальном распространении оно разделяло семьи: родители восставали против детей, невестка — против свекрови, брат — против брата. Ломался весь внутренний строй семьи, основанный на безусловном послушании младших старшим, где семейная иерархия особенно культивировалась. Создавалась новая духовная семья, с новыми нравственными и религиозными устоями, с переоценкой личных ценностей, и в то же время хранящая национальный дух в лучших его проявлениях. Благодать Божия по-новому — реальными, крепкими и драгоценными узлами — соединяла людей, преображая человеческие отношения, а не сменяя их. Создавалась церковная семья во главе с отцом ее — иеромонахом, потом архимандритом, епископом и наконец архиепископом — апостолом Японии — святителем Николаем.

Но создавалась она трудом не только его самого, не только русских миссионеров, но и самих японцев — первохристиан, самоотверженно предавших себя на служение Христу. Это рождалась дочерняя по отношению к Русской Церкви, но самобытная национальная Церковь.

Вначале не было еще специальной Православной Миссии, но были уже люди, всецело предавшие себя миссионерской работе.

Мы имеем драгоценный документ, раскрывающий воззрение святого Николая на миссионерскую работу. Это — «Приветствие архиепископа Японского Николая Миссионерскому съезду в Иркутске от 9 июля 1910 г.» «Я счастлив, — говорит он, — что имею радость служить водворению Царства Божия на земле. Нет важнее сего служения на земле. Для него Бог облекся в человеческую плоть и Сам непосредственно нес его, для продолжения его Он избрал святых апостолов, и они, по Его наставлению, поставляли себе преемников и заповедали делать то же в роды родов и до скончания мира. Поприще сего служения — весь мир, всем народам должно быть проповедано Евангелие Царства Божьего. Не могли мы до сих пор объять проповедью в буквальном смысле весь мир. Времени нашего исторического существования еще недостаточно было для того, но насколько Бог давал нам силы и открывал возможность, дело Божие мы творили. Мы не можем просить у Бога и Его святых угодников, чтобы они устранили с нашего миссионерского пути все трудности и всё, что может причинить нам душевные страдания, мы можем только молить, чтобы Он облегчил нам несение креста, помогая переносить трудности и сопряженные с ними душевные страдания, какие предлежат нам на миссионерском пути. Наше служение есть духовное рождение чад Богу: какое же рождение не сопряжено с муками? И на них мы заранее должны быть готовы. Но у нас есть источник великого утешения: чтобы бодро и успешно служить, нужно иметь предварительную уверенность в том, что не тщетно трудимся, что успех увенчает наше дело»²⁴.

Эти слова были сказаны Святителем в конце его жизни, когда над Токио уже засиял крест собора Воскресения Христова и более 30 тысяч японцев приняли Православие.

²⁴ Православный благовестник, 1910, т. II, № 16, с. 146.

Но в этом духе с самого начала святой Николай воспитывал японцев-катехизаторов, потом японцев-священнослужителей и тех русских миссионеров, что присылались из России ему в помощь. Этот высокий дух и понимание смысла своего служения ободрял их в гонениях и нищете и вдохновлял в труде.

Личные усилия иеромонаха, а потом архимандрита Николая и первых из обращенных в христианство японцев уже явились как бытой Евангельской «закваской», положенной «в три меры муки» (Мф. 13, 33), которая стала началом Японской Православной Церкви. Но святой Николай понял, что частных усилий и частной проповеди здесь недостаточно: «Пусть бы я и продолжал свои занятия в прежнем направлении, но силы одного человека здесь почти то же, что капля в море»²⁵.

В 1868 г. он просит отпуск на Родину для ходатайства перед Святейшим Синодом об открытии Японской Православной Миссии и средствах на ее содержание, а также о командировании ему в помощь русских миссионеров. В докладной записке Святейшему Синоду он говорит о культурном уровне и духовных потребностях японского народа и о тогдашних более благоприятных для проповеди местных условиях. Упоминает он и о начатом им переводе Нового Завета на японский язык.

Хотя материальные нужды Миссии были немалыми, но испрашивал он очень скромные суммы. Святейший Синод, признавая желательность организации Миссии в Японии, запросил министерство финансов, не возьмет ли оно на свой счет требуемые деньги, но министерство согласилось на ассигнование только половины этих сумм, а другую половину предложило взять на себя духовному ведомству.

Запрошено было и министерство иностранных дел, которое одобрило открытие Миссии и дало лестный отзыв о деятельности иеромонаха Николая как настоятеля консульской церкви в Хакодате.

14 января 1870 г. Святейший Синод вынес решение об организации Российской Духовной Миссии в Японии. Штатных сотрудников должно было быть пятеро (начальник Миссии, три иеромонаха и один причетник). Святой Николай был возведен в сан архимандрита и назначен начальником.

Одним из первых начинаний архимандрита Николая было учреждение миссийской библиотеки, не только богословской, но и широко научной. В «Положении для Российской Духовной Миссии в Японии» (приложение № 1, § 15), составленном архимандритом Николаем, говорится: «Миссионеры, кроме своих занятий, обязаны уделять часы для поддержания и расширения своего образования... Чтение книг и трактатов богословского содержания необходимо для преуспевания и разумения православного вероучения и для того, чтобы быть всегда готовым на разрешение вопросов, возражений и недоумений. Чтение научное также необходимо в стране, где на миссионеров будут смотреть не только как на представителей религии, но и как на представителей европейского образования».

Это положение об учреждении библиотеки и занятиях миссионеров характерно не только для всей работы Миссии в Японии, но и для самого святого Николая. Для него не было разрыва не только между религией и наукой, но и между религией и культурой. Образованный богословски, впоследствии получивший от Петербургской духовной академии ученую степень доктора богословия, он стал серьезным востоковедом, о котором японцы говорили, что он знает историю и культуру Японии лучше многих японцев.

В 1911 г. один из студентов III курса С.-Петербургского универси-

²⁵ Христианское чтение. 1869, т. I, с. 255

гета, получивший первую свою научную командировку в Японию, по приезде в Токио пошел к архиепископу Николаю, и тот принял его «как профессор и даже, можно сказать, как декан»; выяснив примерный уровень знаний и цель научной командировки приезжего, он указал лучшие пути и условия для работы, рассказал об институте, где изучались русский язык и литература, и рекомендовал познакомиться со студентами этого института, которые нуждались в практике русского языка и охотно пошли бы на такой языковой обмен.

О том, как ценил Святитель свое причастие к богословской науке, можно судить по сохранившемуся его автографу на Евангелии в его переводе на японский язык; архиепископ Николай подписался там как «доктор богословия».

Рассматривая жизнь, деятельность и духовный облик этого современного равноапостола, мы вправе особо отметить широту его понимания новых проблем христианства, принесенных XIX и XX веками, и органичную его связь с родной духовной традицией. Еще в начале XVIII в. Россия имела в лице святого Димитрия, митрополита Ростовского, блестяще образованного миссионера, знатока античной литературы, основавшего внесловную бесплатную школу, куда принимались не только дети духовных лиц, дворян и купцов, но и «нищие мальчики», где предлагалась широкая образовательная программа применительно к русским условиям Петровской эпохи, где преподавались арифметика, география, латинский и греческий языки, писались диктанты на злободневные темы. Святой Димитрий Ростовский живо интересовался вопросами истории и экономики, происхождением Тмутаракани и сочинениями Посошкова, и в то же время он был строгим подвижником, оказавшим влияние на русское монашество, вдохновенным проповедником и одаренным писателем; труды его, в частности «Духовный алфавит», вошли в золотой фонд богословской литературы и ими пользовались все последующие поколения русских миссионеров.

† Архиепископ Японский Николай был одним из этих плодов «Божиего сеяния» на Руси и звеном великой золотой цепи мужей веры и знания, зримой с первых веков христианства. Именно это определило характер работы Миссии, возглавляемой святым Николаем с первых же дней ее существования.

В письме Святителя к его товарищу по духовной академии Н. В. Богоразумову от 17 декабря 1902 г. говорится о бедности Миссии, о том, что она заводится с «ни кола, ни двора». Эта нищета Миссии только иногда смягчалась субсидиями Синода, Миссионерского общества и пожертвованиями отдельных епархий, монастырей и частных лиц. Она была постоянной болью святого Николая, и всякую помощь Миссии он принимал с трогательной благодарностью. В том же письме от 17 декабря он пишет: «Досточтимый и возлюбленный товарищ и сотрудник отец протоиерей Николай Васильевич! Чувство благодарности — самое первое, что я ощутил по получении Вашего дорогого письма от 17 ноября, — его прежде всего и выражаю перед Вами, и в душе никогда не перестану питать, прося Вас и впредь с такою же любовью заботиться о Миссии, какую являет Ваше нынешнее письмо». Но и этого ему кажется мало, а письмо заканчивается словами: «С чувством глубочайшей благодарности, искренней душевной преданности и любви остаюсь Вашим покорным слугою и усердным, хотя и грешным, богомольцем. Епископ Николай». Тяжесть организационного периода в основном легла на архимандрита Николая и японцев-катехизаторов.

Кроме миссийских дел, были еще такие неотложные церковные дела, как капитальный ремонт консульской церкви в Хакодате — в то время единственной православной церкви в Японии. В этом ремонте архимандрит Николай участвовал, не только руководя им и собирая пожертвования, но и личным трудом.

Богослужение совершалось на церковнославянском языке, за неимением еще перевода на японский, но «Господи, помилуй», «Святой Боже», «Верую», «Отче наш», Евангелие и Апостол читались и пелись по-японски. Это были первые переводы святого Николая.

При церкви была открыта и первая школа русского языка для готовящихся принять христианскую веру и желающих учить язык, в видах служения ей; для этой школы архимандрит Николай составил японско-русский словарь. Желающих поступить в эту школу нашлось много, но общежития не было, и занятия происходили в небольшой квартире самого начальника Миссии, так что сам он мог занимать только одну комнату; она была и спальней, и столовой, и приемной для посетителей. Когда из России прислали для Миссии литографию, то и ее поместили в этом доме, и машина непрерывно гремела. В этих условиях святой Николай не прерывал даже своей литературной и переводческой работы.

Средств для расширения миссионерского дела не хватало. Надо было хоть немного давать на дорогу катехизаторам, направлявшимся в далекие районы, покупать школьный инвентарь, налаживать печатание необходимых книг. Бедность Миссии была вопиющей и удручающей, хотя архимандрит Николай отдавал ей большую часть своего жалованья. А. Платонова в своей книге «Апостол Японии» пишет: «Сам он иногда пуждался во многом. Не редкость было увидеть его дома одетым, подобно какому-нибудь пустыннонику, в грубый, местами даже заплатанный подрысник»²⁶.

После отъезда по болезни одного из присланных священников он в рапорте Святейшему Синоду просил предупредить того, кто захочет в Японии заменить уехавшего, что из 2000 рублей назначаемого ему жалованья по крайней мере половину он должен считать не своей собственностью, а предназначенной на нужды Миссии, в том пункте, где он будет поставлен²⁷.

На таком условии приехал в Японию долгожданный помощник — миссионер иеромонах Анатолий (Тихай), в котором будущий Свяитель нашел истинного собрата и друга.

Родом из Бессарабии, он учился в Кишиневской семинарии, но, не закончив ее, ушел в монастырь на Афон, где и был пострижен в монашество. После четырехлетнего пребывания на Афоне он вернулся в семинарию; после окончания ее в 1867 г., а затем и Киевской духовной академии, был направлен в Японию как член Православной Миссии в сане иеромонаха.

Этой работе отец Анатолий отдал 21 год. Архимандрит Николай писал о нем митрополиту Исидору как о человеке, «вполне достойном своего звания»: «Лучшего помощника я и не желал бы»²⁸. Школьное дело в Хакодате перешло в руки отца Анатолия. В журнале «Миссионер» (1879, № 46) опубликован «Дневник русского православного миссионера» иеромонаха Анатолия. Впечатления его, как человека наблюдательного, очень ценны для конкретного представления о культурном уровне Японии и обстановке, которую он застал в Хакодате.

«Училища, даже в самом малом селении, есть, как и везде в Японии. Селá без училища я не видел даже в самых глухих местах... народ очень неохотно слушает христианство, но, узнав его, будет твердо держаться...»

«Я вижу здесь, что катехизатор, у которого семейство состоит из 5 человек, содержится на 4 эна (6 металлических рублей) в месяц. Как они могут жить на эти малые средства, получаемые от Миссии,— я не

²⁶ А. Платонова. Апостол Японии. Пгр., 1916, с. 61.

²⁷ Рапорт архимандрита Николая от 7 июня 1871 г. ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 151 ед. хр. 1422а.

²⁸ Там же, л. 202

понимаю. Правда, они живут в церковном доме, но ведь нужны пища, платье, книги, бумага и проч., а жизнь в Японии сейчас внутри страны не дешева».

«Только православные проповедники находятся в таком положении, и для всякого совершенно ясно, что только ради Христа они отказались от почетных и приносящих доходы должностей».

Эти скупые, почти деловые записи обжигают читателя, так как они передают подлинную атмосферу работы святого Николая и его ближайших учеников и сотрудников. Приезд отца Анатолия дал возможность перевести центр православной Миссии в столицу — в Токио.

28 февраля 1872 г. архимандрит Николай прибыл в Токио. Несмотря на все трудности и формальные препятствия, уже в августе 1872 г. ему удалось приобрести земельный участок на вершине холма Сурагадай для строительства дома Православной Миссии, где должны были разместиться домовая церковь и духовные училища, сначала для мальчиков и юношей, с программой семинарии, а позже — и женское. Квартиры начальника Миссии и его сотрудников и подсобные помещения. При ничтожных материальных средствах архимандрит Николай осуществлял это великое и важное дело.

Но материальные и административные заботы не отвлекали его от самого главного — от духовного строительства Японской Православной Церкви. Всё настоятельней ощущалась нужда в священниках и диаконах японцах, так как число обращенных непрерывно возрастало. Уже в 1874 г. архимандрит Николай просил епископа Камчатского Павла приехать в Хакодате и рукоположить лучших катехизаторов Павла Савабе и Петра Сагава во иереи, а Петра Кавада — во диакона, но все время обстоятельства складывались неблагоприятно, и епископ не мог приехать. Тогда святой усмотрел в этом Божественный Промысел. С самого начала он думал о необходимости соборности как движущей и организующей силы Церкви. Он увидел необходимость соборного избрания национального священства, а не назначения сверху.

В 1874 г. при избрании ставленников вся Церковь не была опрошена. Получив известие о возможности приезда епископа Павла в Хакодате, миссионеры «заранее положили сделать выбор при избрании лиц для рукоположения вполне осмотрительно и так, как подобает, созвать на совещание всю Церковь и предложить ей самой избрание»²⁹. Были разосланы приглашения катехизаторам, явилось 40 человек, остальные ответили письменно. Архимандрит Николай сказал: «Сегодня мы в первый раз собрались для совещания об избрании для нашей Церкви кандидатов во священники», и затем предложил всем катехизаторам рассказать о положении на местах, чтобы стала видна общецерковная потребность в священниках.

Тридцать делегатов были за немедленное избрание кандидатов, но 10 высказались против, считая, что среди них нет достаточно образованных и подготовленных. Тогда и первые тридцать согласились с этим, но сочли, что нужда слишком велика и потому избрать все-таки надо³⁰. Решили просить епископа о рукоположении трех священников: Иоанна Оно, Павла Савабе и Павла Сато. Но сразу никто из кандидатов не согласился на хиротонию. Лишь на четвертом заседании архимандрит Николай объявил, что один Павел Савабе дал согласие, и предложил участникам совещания высказаться. Все молчали. Тогда отец Николай сказал: «Священником будет один Павел Савабе. Пусть он теперь говорит».

Тот поклонился и произнес: «Я, грешный и недостойный раб, позавчера был выбран во священники. Но, считая священное служение

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 151, ед. хр. 1422а, л. 470.

³⁰ Голосование на соборах в Японии всегда производилось закрытыми билетами

очень тяжелым и высказав разные другие причины, отказался было от священного сана. Но на это я не получил от Церкви разрешения. До настоящего времени пораженный, я не нахожу слов. Одно только прямо могу сказать — именно, что все мы всецело предали себя на служение Церкви и поручили себя водительству духовного отца нашего. Повинуясь его увещаниям, я нашел своим долгом согласиться на требование Церкви и с благоговением подчиняюсь ее велению. Возлюбленные братья, вы прежде сказали, что в нашей Церкви вполне достойных по образованию и нравственным качествам для священного сана нет, а еще сказали, что вследствие этого избранный непременно должен иметь помощь от всей Церкви. Возлюбленные братья! Молю вас, твердо сохраняйте прежде сказанное и поспешествуйте мне, грешному». Засим, павши перед архимандритом Николаем, сказал: «С благоговением принимаю всей Церкви и моего духовного отца веление».

После этого архимандрит Николай поцеловал его и сказал: «Иоанн Оно и Павел Сато весьма согрешили, сопротивляясь велению Церкви. Впрочем, это непослушание произошло не от злого сердца. Это объясняется тем, что они еще не вполне знакомы с правилами и учением Церкви. До настоящего времени они находились на служении Церкви, поэтому Церковь имеет право им повелевать, однако они захотели поставить свое мнение выше желания Церкви. Это обстоятельство весьма опасно для Церкви. Если теперь оставить без внимания это неповиновение, то это в Церкви сделается примером для будущего. В таком случае все распоряжения Церкви будут презираемы. Неповиновение этих двух братьев мы не должны извинить и не обратиться на него внимания. Впрочем, имея в виду их до сего времени служение, мы свой суд о них должны растворить любовью. Если мы согласимся с их желанием не слушаться Церкви, следовательно, не служить ей, то этим самым они будут наказаны. Они теперь не послушались веления Церкви. Следовательно, не состоят больше на служении ей. Мы поэтому выделяем их из числа лиц, служащих Церкви, и после этого пусть они будут наряду с другими христианами, не служащими Церкви... Впрочем, наша взаимная братская любовь не изменяется».

После этого он обратился к Иоанну Оно и Павлу Сато: «Вы оба теперь должны оставить свои места между катехизаторами и стать вместе с другими верующими». Далее произошло то, что поистине напомнило первые века христианства: «Увидя то, все собрание подняло громкий плач»³¹. Но архимандрит Николай был непреклонен, ибо здесь закладывались основы церковной дисциплины и послушания, без которых не может быть правильного духовного пути и Церкви, и отдельного человека. Святой Николай предъявлял к проповедникам, и тем более к священникам, очень высокие моральные и духовные требования. Если проповеднику нужно жить не для себя, если каждое его слово, каждое его действие и всё его время должны быть употреблены для других, то тем более это должно быть обязанностью наших священников и тем более они должны жертвовать собою для своего дела. Проповедники должны служить образцами для христиан. Священники же должны служить таким образцами не только для христиан, но и для проповедников.

Но, благодаря высокой жизни самих проповедников, жизнь священников даже во внешнем отношении почти ничем не отличалась от жизни первых: та же скромность и любовь к пастве, то же отсутствие роскоши в домах, безропотное отношение ко всем тревожащим жизни, те же беседы у себя дома и в домах своих пасомых. Словом, все то же самое, что мы видели в лице проповедников — «сенсеев».

Впрочем, в силу больших обязанностей священника, он естественно

³¹ ЦГИАЛ. ф. 796. оп. 151. ед. хр. 1422а. л. 478

пользовался, сравнительно с проповедниками, и бóльшим уважением, большею любовью и доверием со стороны пасомых. Последние и называют его в отличие от проповедника — «сенсея» — «симпом», что значит: не просто учитель, а «духовный отец»³².

Речь архимандрита Николая дает не только идеальное представление о деятельности проповедников и священников, но и свидетельствует о подлинной, реальной жизни юной Японской Церкви, о существовавших тогда отношениях между служителями Церкви и пасомыми, которые сами нашли именованя для своих руководителей — «сенсеи» и «симпо» — исконные японские слова, но примененные в новом духовном значении.

Сам Святитель всей своей жизнью являл пример истинного духовного руководителя, всецело преданного своему служению.

12 июля 1875 г. епископ Камчатский Павел, приехав в Хакодате, рукоположил Павла Савабе во иерея, а друга его Иоанна Сакая — во диакона. Так первенцы Японской Православной Церкви стали и первенцами ее священноначалия. Это было великой радостью будущего Святителя.

Но бывали и тяжелые дни. Впоследствии он рассказывал (тогда еще иеромонаху) Сергию Страгородскому, приехавшему миссионером в Японию: «Бывают минуты, когда вас точно бичом по ранам начнут хлестать. Доставляет постоянные мучения скрытность японцев от иностранцев, некоторая отчужденность их от нас (конечно, не всех), а потом неустойчивость их».

Поэтому сыновнее послушание Павла Савабе и других ближайших учеников, их понимание дела миссии, их личное отношение к самому отцу Николаю были ему утешением и поддержкой на его трудном пути вдали от Родины.

Архимандрит Сергей (Страгородский), в будущем Патриарх Московский и всея Руси, приводит в своей книге «На Дальнем Востоке» слова святого Николая об организации и укреплении Церкви: «Сердце тут нужно, способность проникнуться нуждами ближнего и ближних, почувствовать радости и скорби ближних, точно свои, и в то же время хладнокровное размышление, как устранить скорби и умножить радости, и решимость поступать в указываемом сердцем и умом направлении, и твердость, и авторитетность сделать поступок правилом для других и прочее и прочее, смотря по обстоятельствам»³³.

Естественно, что нам хочется узнать и ясней представить себе, каким он был в жизни: и внешностью своей, и домашним обиходом, и привычками. «Вместе с мягкостью он был железным человеком, не знавшим никаких препятствий, практическим умом и администратором, умевшим находить выход из всякого затруднительного положения. Вместе с любезностью в нем была способность быть ледяным, непреклонным и резким с людьми, которых он находил нужным воспитывать мерами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вместе с обаятельностью в нем была большая, долгим опытом и горькими испытаниями приобретенная сдержанность, и нужно было много времени и усилий, чтобы заслужить его доверие и откровенность. Наряду с какой-то детской наивностью веселого собеседника в нем была широта идеалов крупного государственного ума, бесконечная любовь к Родине, страдание ее страданиями и мучения ее мучением». Так писал о нем Дмитрий Позднеев³⁴.

³² Из «Речи св. Николая, читанной в общем собрании членов СПб. комитета Православного Миссионерского общества 12 марта 1891 года». Церковные ведомости. 1891, № 13, с. 403.

³³ Архим. Сергей. Цит. соч., с. 178.

³⁴ Д. Позднеев. Архиепископ Николай Японский. (Воспоминания и характеристика). СПб., 1912.

Это был человек неукротимой энергии, единой целенаправленности и пламенного трудолюбия. Он говорил: «На покой миссионеру, когда у него есть хоть капля силы служить своему делу,— это для меня представляется несообразным, так что я и в мечтах никогда не пытался примеривать покойный халат. Хочется умереть на той борозде, где Промысл Божий судил и пахать, и сеять». В этих словах вся его человеческая натура, которую он благодатию Божиею переплавил в святость, в святость деятельную, когда и воля, и труд кладутся к ногам Христовым в едином служении. Общеизвестны его портреты в старости, портреты маститого архиепископа Японского. Но в Японию он приехал почти юношей — 26-летним неромонахом. Время его изменяло, но какие-то черты сохранились до конца, и о них говорят некоторые фотографии разных периодов и рассказы современников. Он был высокий, статный, сильный физически; его походку всегда отмечали как «стремительную» (архимандрит Сергей Страгородский), «энергичную» (японец-студент духовной академии в Петербурге Сергей Сеодзи). «По своему внешнему виду. — писал о нем Сеодзи, — Преосвященный Николай, несмотря на свои пятьдесят пять лет, представляет из себя еще замечательно здорового мужчину: высокий ростом, крепкий телосложением, с громким и очень приятным голосом, в высшей степени живой. он с виду гораздо моложе своих лет»³⁵.

В «Русском вестнике» за 1891 г. (ноябрь, с. 24) была напечатана интересная статья того же Сергея Сеодзи «Как я стал христианином». Статья написана непритязательно, очень искренне, с любопытными бытовыми подробностями жизни интеллигентной японской семьи, сохранявшей национальные традиции, но уже приобщенной к европейской культуре, и с теплыми воспоминаниями мальчика, а потом юноши Сергея, о святом Николае.

Первым принял христианство отец Сергея и стал преподавателем китайского языка в семинарии. Он даже переселился в дом Миссии, оставив семью, но не порвав с нею. С крещением сына — тогда 12—13-летнего мальчика — он не торопился³⁶, но определил его в духовное училище. Имя Сергея мальчик получил в святом крещении, а крестным его стал известный педагог Сергей Алексеевич Рафинский, по просьбе святого Николая, знакомого с ученым.

Сеодзи пишет: «Я всегда с большим вниманием и интересом слушал рассказы из жизни святых, в особенности мучеников, составлявшие постоянное дополнение всякой всеобщей. Рассказы эти следовали непосредственно за службою и почти всегда излагал их сам Преосвященный Николай. В то время я не был еще ему представлен, но уже давно, в родительском доме, услышал его имя; теперь же, часто видя его и слушая его поучения, возымел к нему глубокую любовь и уважение»³⁷.

Дальше он рассказывает о своем знакомстве на миссийской даче с семинаристами, которые, хотя и были старше его, приняли его по-братски, и о своем поступлении в семинарию. «Новые мои товарищи, вместе со мною поступившие в семинарию, очень мне понравились. Всех их было около 50, и $\frac{3}{4}$ из них были юношами взрослыми, остальные были такие же дети, как и я, и их поместили всех вместе в одну большую комнату, составлявшую особое царство «молодцов», как называл нас Преосвященный Николай, когда посетал наше жилище.

Разумеется, наша «молодцовская» комната была самой веселой и шумной из всей семинарии, но зато занимались мы и успевали в уче-

³⁵ Церковные ведомости, 1891, № 13, с. 403.

³⁶ Это вообще был принцип православного миссионерства в Японии — крестить только тогда, когда желание это проверено временем, а иногда испытаниями. Так поступал и сам святой Николай, и его ученики.

³⁷ С. Сеодзи. Указ. ст., с. 95.

нии тоже «молодцовски». Хотя старшие из вновь поступивших помещались отдельно от нас, но мы все весьма скоро познакомились между собою и из нас составила́сь как бы одна семья, связанная братской дружбою... Во главе же всей семинарской семьи стоял, во-первых, сам Преосвященный Николай, а во-вторых, бывший тогда еще неромономом отец Владимир (инспектор семинарии), но отношения между нами не были теми начальственными отношениями, которые приходят на ум при словах «ректор» и «инспектор» учебного заведения. Отношения эти были совсем иные, близкие и родственные: никаких преград между начальством и воспитанниками не чувствовалось.

Когда между воспитанниками возникали какие-либо несогласия, они старались уладить их между собою путем взаимных уступок; если же это не удавалось, они представляли дело на суд отца Владимира или самого Преосвященного; но при этом обращались к ним без всякой боязни и с тем чувством, с каким дети ждут от отца разрешения их взаимных недоразумений.

Этот нравственный строй нашей семинарии всецело обуславливался тем неотразимым обаянием, которое производил на всех его знающих основатель и глава нашей Православной Миссии.

Сеодзи показывает Святителя в семинарии.

Во время игр воспитанников через залу проходит Преосвященный Николай. Его приветствуют громко и дружно и непременно по-русски. «Преосвященный, со свойственной ему живостью и веселостью, отвечает на наш привет: «Здорово, молодцы!»»

Посещал он и спальни учеников, где они никак не угомонялись. «Но вдруг все голоса смолкают. В спальню вступил Преосвященный Николай. Он тихо проходит между койками и столь же тихо удаляется. и вскоре за тем вся спальня погружается в глубокий сон».

Далее Сеодзи говорит о той высокой христианской настроенности, которая царилa в семинарии, о сознательном отношении к будущему своему служению, которое воспитывал в продолжателях своего дела Святитель. «Все воспитанники, начиная с самых старших и кончая самыми меньшими, крепко знают то, что они живут среди язычества, что они учатся здесь только для того, чтобы быть проповедниками учения Христова в своей стране и что они сами должны быть достойными будущего своего звания»³⁸.

По городу Преосвященный Николай часто ходил пешком, с тростью. Во время объездов епархии он ездил в тележках и верхом — по горным дорогам. О торжественных и богатых архиерейских выездах не было и речи.

В личной жизни Святитель был подвижнически прост. Его часто видели в старой, заплата́нной рясе, в поношенном подряснике, с широким, вышитым ученицами духовного училища, поясом.

Сохранилось собственное описание Святителя его комнаты и условий его катехизаторской работы в первый период жизни в Токио. «Представьте, например, мою обстановку, хоть это одна из последних мелочей. Жара теперь, Боже, какая жара! Перестать работать, конечно, нельзя, не об этом и речь; и утром до полудня, и вечером с пяти часов человек 20—30 имеет полное право приходить выслушивать уроки Закона Божия. Но куда приходить? Мое жилище одна комната на чердаке, по точнейшему измерению 11 квадратных футов. Вычтите из этого пространство, занимаемое столами, стульями и подобием сделанного дивана, заменяющего мне кровать; высота — стать в ней во весь рост человеку такого роста (как я) едва можно. Разочтите, сколько воздуха в таком жилье. И в нем, однако, происходит катехизация 20-ти человек. Сидеть — уже не спрашивайте, как сидеть... к счастью,

³⁸ С. Сеодзи. Цит. ст., с. 407.

еще два окошка, одно наискось другого. Если благотворительная природа посылает ветерок, то ничего. А если нет веяния воздуха, — духота нестерпимая. Внимание с трудом связывает мысли; самое горло отказывается служить полтора или два часа подряд. Многие Христом Богом просят крещения, а я не могу крестить их, потому что негде»³⁹.

Маленькие, тесные две комнаты — вот и все покои Владыки в доме Миссии, даже в конце жизни. Первая отделана, по свидетельству современников, если и не роскошно, то во всяком случае прилично. Стены ее украшены гравюрами; в ней есть стол, диван да несколько стульев; вторая же гораздо проще: за исключением самых необходимых предметов домашнего обихода, ничего другого здесь нельзя найти, никаких даже самых простых украшений. Кроме того, комната эта чрезвычайно маленькая — какие-нибудь 7—8 шагов по диагонали.

Встает Владыка очень рано, часов в пять, а иногда и того раньше, и тотчас же принимается за свои занятия. В 7 часов приходит в крещальню, где совершается общая утренняя молитва для учеников катехизаторской и певческой школ. Преосвященный всегда сам произносит начальный возглас и в конце отпуст. С 7 до 12 часов читает лекции по богословским предметам в семинарии и катехизаторской школе. В 12 часов обедает. После обеда читает выписываемые им японские журналы и газеты. Но в час пополудни он уже непременно сидит за своим письменным столом и занимается текущими административными делами — церковными и миссионерскими, — которыми ведает он один, и эти занятия его продолжают до половины пятого. Иногда, впрочем, Преосвященный идет на занятия, либо в катехизаторскую школу, либо в семинарию, так как и в той, и в другой имеются две послеобеденные лекции. В 6 часов к нему приходит ученый японец, с которым он ведет свою работу по части перевода богослужебных и других церковных книг — до 9 часов.

После этих занятий к Преосвященному является его секретарь с корреспонденцией от катехизаторов и священников, рассеянных по всей Японии. Каждый из них обязан ежемесячно писать епископу о состоянии своей Церкви. Притом японец всегда считает долгом сделать к письму громаднейший приступ, а в конце непременно извиниться, что написал только 2 дюйма, хотя в действительности письмо иногда больше двух сажен (японские письма писались шириною в нашу обычную почтовую четвертку, и одна полоска приклеивалась к другой)⁴⁰.

Святой Николай терпеливо и внимательно читал эти донесения с мест и всегда знал о положении всех приходов и миссионерской работы. Поэтому его рапорты Святейшему Синоду и отличаются такой конкретностью.

Планы его работ всегда были устремлены к будущему.

Первым вопросом был вопрос о «делателях жатвы», о религиозном образовании и воспитании будущего духовенства, катехизаторов и женщин-христианок.

В 1879 г. при Миссии в Токио были 4 училища: катехизаторское, семинария, женское и причетническое.

В катехизаторское училище принимали учеников в возрасте от 18 до 60 лет, с рекомендацией и личным ручательством местных катехизаторов.

Семинария была любимым детищем святого Николая. Сюда принимались лица от 14 и до 60 лет. Курс обучения шестигодичный. В программу семинарии, кроме Истории Нового Завета и других богослов-

³⁹ Православное обозрение, 1874, февраль, с. 94.

⁴⁰ Прот. Ф. Знаменский. К двадцатипятилетию архипастырского служения Преосвященного Николая, епископа Ревельского. Церковные ведомости, 1905, № 22, с. 899.

Святитель Николай, Архиепископ Японский

Святитель Николай среди членов Собора Японской Православной Церкви

ских предметов, входили русский и китайский языки и ряд общеобразовательных предметов: алгебра, геометрия, география, китайско-японское письмо, история, психология, история философии. К концу жизни святого Николая семинария получила права среднего учебного заведения Японии: лучшие ученики после окончания посылались в Россию в духовные академии: Киевскую и Петербургскую.

В 1875 г. было основано при Миссии женское духовное училище, где преподавались Закон Божий, арифметика, японская и всеобщая география, история, китайский, японский и русский языки, каллиграфия и шитье. Святой Николай высоко ценил участие женщин в распространении христианства и в духовном преобразовании семейной жизни. Училище могло готовить и жен для духовенства, понимающих и разделяющих стремления своих мужей.

Думал Святитель и о монашестве. Ему очень хотелось основать мужской монастырь. Он постриг и дал сан иеромонаха одному талантливому проповеднику, который был популярен в Токио. Было найдено за городом место и все необходимое для строительства монастыря. Но надежды Святителя не оправдались.

Почти ежегодно в мирное время он объезжал ту или иную часть своей епархии, проверял положение дел на месте, церковные порядки, нравственное состояние прихода и говорил поучения. Прием Преподобного Николая начинался богослужением, обычно служил местный священник, а потом сам Святитель в епитрахили и омофоре (но без мантии, так как в тесном церковном помещении обычно в ней нельзя было повернуться) говорил слово, сидя на табурете. Очевидцы рассказывали, что, поучая, он весь горел и зажигал сердца слушателей. Говорил он очень просто и понятно для самого простого человека — о начальных словах молитвы Господней, о радости, что у нас есть Небесный Отец, о молитве за еще не просвещенных христианством братьев. Это — долг нашей любви и благодарности Богу. Однажды в молитвенном доме в деревне Вата Владыка сказал поучение на тему «Всё, что вы делаете, делайте во славу Божию». «Есть люди, призванные на служение Церкви или сами себя посвятившие Богу. Эти прямо совершают дело Божие и тем спасаются. Но и всякий, оставаясь при своем деле, может точно так же делать дело Божие. Для этого необходимо свое служение совершать не ради славы, не из корысти, а для Бога, совершать его, как долг, возложенный Богом. Земледелец, учитель, воин, купец — все они необходимы для человечества, для общества, всем им быть повелел Господь. Пусть они трудятся в сознании этого, тогда одним исполнением своего служения они получают Царство Небесное»⁴¹.

Дальше в статье прот. Ф. Знаменского рассказывается о проповедях уже не узко церковных, а публичного характера, обращенных к язычникам. Об одной из них, содержание которой тоже приводится прот. Ф. Знаменским, более подробно пишет архимандрит Сергей (Страгородский) в книге «По Японии». Там (с. 46—47) дается живая зарисовка такой случайно возникшей на пароходе проповеди.

Капитан сказал Владыке, что команда хотела бы послушать его. «В нашу небольшую кают-компанию сошлись почти все, бывшие на пароходе. На полукруглом диване по корме сели офицеры и механики; на полу разместились матросы и человека два посторонних, едва ли не единственные пассажиры третьего класса. Матросы, по возможности, вымылись и даже надели европейские платья. Капитан их заботливо осматривал хозяйским взглядом, показывая кое-кому позабытые пуговицы. Преподобный присел у стола на стуле и, обратившись ко всем, с час говорил, вкратце излагая основные пункты христианского учения: о Боге едином, таинстве Пресвятой Троицы, о творении

⁴¹ Прот. Ф. Знаменский. Цит. ст., с. 899.

мира, о человеке с его бессмертной душой и вечными запросами, о грехопадении и спасении, уготованном людям во Христе. От Этого Христа происходит и учение, нами теперь проповедуемое. Нельзя называть его русским или еще каким-нибудь. Оно — Божие, пришедшее свыше и принадлежащее всем людям, без различия страны и народа. Поэтому и принимать это учение не унижительно ни для какого национального сознания, как не унижительно перенимать, например, пароходы, железные дороги и прочие полезные для жизни изобретения. Объявляя свое учение единой истинной верой, мы не говорим, что ваши теперешние верования никуда не годятся, нет, в буддизме и синтоизме много хорошего, что признаём и мы. Только эти религии несовершенны, они выдуманы самими людьми при незнании истинного Бога.

Это то же, что лампа, придуманная, чтобы освещать жилище человека, когда нет солнца. Лампа — вещь полезная, и даже необходимая вещь вечером или ночью, но никому и в голову не придет зажигать ее днем. Так и буддизм, и синтоизм хороши только при отсутствии христианства, при незнании истинного Бога».

Реакция слушателей на такие проповеди была различной. Одни задавали серьезные вопросы, философского порядка, как один юноша, спросивший о свободе воли. Бывали и подготовленные выступления групп язычников-фанатиков, руководимых возмущенными бонзами, когда проповедь прерывалась криками и смехом.

Но святой Николай относился к этому спокойно и умел найти укоризненные и обзоруживающие слова, обращаясь к традиционной воспитанности японцев. Святитель говорил архимандриту Сергию о своих объездах епархии: «Я, когда посещаю церковь, как бы мала она ни была, на то время делаю ее всецело ее членом так, что для меня в это время других церквей, да и всего мира, как бы не существует. Если приходит письма из других церквей, мне и в голову не приходит прочитывать их среди дел той церкви, а читаю ночью, освободившись от местных дел. Естественно, что всё состояние той церкви со всеми местными нуждами, скорбями и радостями, до малейших частных, целиком вольется в душу и трудно ли затем обсудить, посоветовать, убедить, наставить и т. п. Всё это так просто, так само собою льется с языка, из сердца. Только надо иметь благоразумие не обращать внимания на все брызги, исчезающие бесследно, систематичность и постоянство нужно, нужно не забывать, кому и когда что сказано, что постановлено, и наблюдать, чтобы было исполнено. Для этого я веду по церквам записи, и притом разные: о церквах, о катехизаторах, о молитвенных домах, о сказанных проповедях и наставлениях, аккуратно записывая всё в четыре тетради о каждой церкви»⁴².

Эти высказывания святого Николая важны и как руководство для епископов, благочинных и настоятелей, и как раскрытие его собственной души, достигшей и рассудительности, и способности сосредоточиться и как бы отключиться от всего постороннего. Здесь замечательное равновесие сердечной и умственной деятельности — один из источников его неутомимой работоспособности и энергии, поражавших людей. И обо всем он говорит с величайшей простотой, без выпрепных слов, почти в деловом плане, хотя в этих высказываниях глубокая духовная и практическая мудрость.

Здесь замечательна еще оговорка, что количество прихожан в данной посещаемой им церкви не имело значения. Он не забывал слов Господа Иисуса Христа о «малом стаде» и о закваске, положенной в три меры муки. Его объезды охватывали самые далекие и глухие места Японии. Для Святителя и его помощников не было мест, ничтожных по значению или низкому культурному уровню населения.

⁴² См. Архим. Сергей (Страгородский). На Дальнем Востоке.

Так, епископ Николай горячо принимал к сердцу положение племени айнов, коренного населения Курильских островов, ранее принадлежавших России, а затем перешедших к Японии. Большинство айнов было тогда переселено на острог Сикотан, откуда выезд им был запрещен. Жили они нищенски, занимались рыбным промыслом. Между ними было много христиан, крестившихся еще в период русского владычества; теперь их заставляли переходить в буддизм, чтобы скорее ассимилироваться, но айны устояли.

Японский священник Тит Комацу пишет: «Прибыв в Токио, я немедленно доложил о положении дел епископу. Епископ молча плакал и после некоторого времени сказал: «Ты их ближайший пастырь и священник и должен на деле осуществлять слова нашего Господа Иисуса и потому подумай об этом обстоятельно».

После того по всей Японской Православной Церкви был открыт сбор пожертвований в пользу несчастных сикотанских айнов и между маленькой айнской и японской Церковью установилось духовное единение, которое епископ Николай тщательно поддерживал.

Это братское духовное общение между Церквями также переносит нас к взаимоотношениям Церквей, окормлявшихся апостолом Павлом, написавшим Коринфянам: «Совершите же теперь самое дело, дабы, чего усердно желали, то и исполнено было по достатку. Ибо, если есть усердие, то оно принимается по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтоб была равномерность» (2 Кор. 8, 11—13).

В книге архимандрита Сергия «По Японии» имеется более утешительная картина жизни айнов на Сикотане. В предыдущие годы они начали вымирать от голода и болезней. Из 115 человек осталось 62. Правительство давало некую субсидию, но она «сильно прилипла к рукам чиновников». Святой Николай послал туда от Миссии священника Тита Комацу и катехизатора Алексея Савабе, сына отца Павла Савабе, которые, вернувшись в Токио, и сообщили о бедственном положении курильцев. Тогда о нем заговорила и столичная пресса, и правительство приняло серьезные меры для улучшения быта этих людей. На остров были посланы доктор и учитель и налажилось снабжение продовольствием.

Нравственность айнов была очень высока. Они жили по-братски, делились друг с другом, преступлений у них не было. Таким образом отеческая забота Святителя простерлась и на этих обездоленных людей.

Его христианская проповедь не была умозрительно-отвлеченной, она все время претворялась в жизнь, проникала в семью и быт, объединяя и церкви и отдельных христиан.

Большой радостью Японской Церкви и самого епископа Николая было освящение храма в Киото, описанное архимандритом Сергием. Храм этот блистал чистотой и белизной, имел колокола и «великолепный иконостас». Иконы были присланы из России, но в дороге они повредились. Их отлично реставрировала местная талантливая художница Прина Ямасита. Она копировала «Тайную вечерю» и икону архистратига Михаила для других церквей. Таким образом, в Японии появились и местные иконописцы.

В описании освящения храма в Киото есть еще одна утешительная деталь: соседи — нехристиане — без всякой просьбы со стороны христиан тоже участвовали в празднестве; «хозяева целой линии домов, лежащих через дорогу против Миссии, предложили свои дома и по-праздничному украсили их для отдыха христианам в день храмоосвящения, а директор городской школы, имеющей 900 учащихся и находящейся по другую сторону Миссии, у самой стены ее, с одобрения городского головы, предложил залы своей школы, чтобы устроить угощение христианам».

Таким образом, мы видим, какое уважение и доброе отношение снискала в то время Японская Церковь, руководимая святым Николаем.

В Евангелии от Луки (2, 52) сказано об отрочестве Господа Иисуса Христа: «Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков». Так и юная Церковь Его, идя по Его стопам, преуспевала в премудрости и возрасте и, подобно первохристианам, японские христиане были единокорными, «хваля Бога и находясь в любви у всего народа» (Деян. 2, 47).

Так осуществлялся апостольский подвиг Святителя Николая.

Как добрый садовник воспринимает растение в его росте и развитии, так и святой Николай носил в сердце своем Японскую Православную Церковь, живую и целостную, и каждая самая маленькая церковь, вплоть до домашней, была для него живой и растущей, развивающейся частицей этого целого.

Сама структура основанной им Церкви была однородной: если вся она руководилась ежегодными соборами, то каждый приход управлялся своим советом, обычно собиравшимся по воскресеньям для обсуждения своих местных дел, а домашние церкви, подражавшие в Японии домашней церкви Акилы и Прискиллы апостольских времен, общались между собой на братских трапезах (симбукваях) и беседах и служили центрами для христиан, разбросанных по соседним селениям или небольшим городам. Каждое посещение святого Николая укрепляло эту христианскую общность, взаимопомощь и любовь, потому что сам он был преисполнен отеческой любви и самоотдачи.

В домашних церквях верующие собирались на молитву и благочестивые беседы; здесь читались или рассказывались жития святых, обсуждались духовные и материальные местные нужды, собирались пожертвования на строение храмов и молитвенных домов. Припасы для трапезы приносились всеми участниками, чтобы не обременять часто бедных хозяев. Женщины объединялись в кружки, членам которых вменялось в обязанность изучать Закон Божий и обсуждать вопросы воспитания детей и нового семейного быта.

Архимандрит Сергей (Страгородский) дает развернутую картину еще младшею Японской Церкви. «Далеко в северо-западном углу, в тесной хатке на общем дворе живут Лука и София (по-японски выговаривается Сохия). У них и бедно, и скудно, и темно, в комнате едва можно протянуться, но на стене несколько икон, перед ними свечка, пониже портрет Преосвященного Николая». Так эти простые люди уже тогда чтли своего апостола.

Архимандрит Сергей рассказывает и о христианке Анне, напоминавшей евангельскую вдову, положившую свои две лепты в сокровищницу храма: «Не раз мне приходилось видеть, как Анна после службы, когда все уйдут, приходила в молельную и тихоенько опускала в кружку свою жертву на церковь. Это уже сверх положенного идет на какие-то особые нужды. Замечательно, что эта простая, совсем безграмотная женщина обладает такой ясной верой, чуждой всяких посторонних суеверий, что ей позавидовал бы не один из наших интеллигентов, кичащихся разумом»⁴³.

Архимандрит Сергей в книге «По Японии» рассказывает об одном обращенном анархисте-террористе, так называемом «Соси», по имени Алексей, прежнее националисте, ненавидевшем иностранцев. Он кореным образом изменил свою жизнь, стал бродячим торговцем, чтобы иметь повод заходить в дома и проповедовать о Христе. В бедных домах он отдавал свой товар или даром или по самой низкой це-

⁴³ Богословский вестник. 1896, декабрь.

не и раздавал большую часть своей выручки. «Однажды приходит он в дом, а там жена с малыми детьми сидит и плачет над только что скончавшимся мужем. Денег у нее ни гроша, нечем обрядить покойника, нечем заплатить за могилу и похороны. Тогда Алексей достал свой единственный еп, купил на него, что было нужно, заплатил, куда следует. Сам сделал гроб, сам выкопал могилу и сам же снес и похоронил покойника. Потом продал свой товар, собрал кое-какие деньги и отправил вдове с детьми на ее родину, к отцу»⁴⁴. Когда Алексей (еще молодым) скончался, христиане оплакивали его.

Такие «житийные» примеры были не единичны: высокий духовно-нравственный уровень рядовых христиан способствовал широкому распространению домашних церквей в Японии.

Все это время Православная Миссия не выходила из гнетущей бедности. Существовала она в основном на субсидии Синода и Миссионерского общества и на частные пожертвования из России. Японская паства была бедна и вносила свою лепту действительно из последнего. Вся тяжесть этой стороны церковной жизни падала на святого Николая.

Он предвидел, что обстоятельства могут сложиться так, что субсидии и русские пожертвования прекратятся и существование Японской Церкви будет зависеть от нее самой. В Японии с самого начала существования христианских церквей не могло быть и речи о государственном субсидировании. Об этом святой Николай сказал на соборе Японской Церкви в 1906 г., указывая и на духовный смысл и на обоснованность содержания священнослужителей на средства самих верующих. «Устроить содержание служащих Церкви — предмет пелегкий. Трудности сего испытали все народы во всех местах, где возникла Церковь Божия. И нигде не открыто другого лучшего средства содержания служащих Церкви, как добровольные пожертвования людей, составляющих Церковь. И никогда, до скончания мира, не будет открыто другого, более совершенного средства, потому что так установил Бог, и не только устным повелением установил, но, когда явился в человеческом образе на землю, Сам же подал пример подчинения сему установлению. Смотрите, Господь наш Иисус Христос, немногими хлебами чудесно насыщающий тысячи народа, Сам со Своими учениками во время Своего земного служения чем питался? Чем содержался? Добровольными приношениями слушавших Его учение, для чего у учеников его был ковчежец, в который влагались приношения, употреблявшиеся на нужды Его и Апостолов, составлявших в то время число служащих Церкви. Всемогущий Господь мог бы сотворить и указать сотни и тысячи способов содержания служащих Церкви, но Он указал только одно приношение лиц, составлявших Церковь.

И причина сего так ясна, что ее и объяснять много не нужно. Спаситель сказал: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). Ты жертвуешь на церковь сокровище твое, быть может тяжелым трудом добытое тобою: понятно, что вместе и с сокровищем твоим идет и сердце твое в жертву Богу; ты непременно и мыслью, и чувством участвуешь в деле Церкви»⁴⁵.

В 1878 г. в Японии было уже 6000 православных и были построены храмы в Сакуми, Мариоко и Сендае и в других местах уже куплена земля для построения храмов — на средства японских христиан, которые щедро жертвовали, подобно христианам I века. Воодушевление иных было так велико, что они приносили все свое достояние на святое дело.

⁴⁴ Архим. Сергей. По Японии, с. 143.

⁴⁵ ЦГИАЛ. ф. 796, оп. 186, ед. хр. 5846, л. 59

Между ежегодными соборами Церковь управлялась Церковным Советом. На соборах дела решались большинством голосов, закрытым голосованием. Священники имели 1 голос, как и проповедники, а председательствующий — 2 голоса.

На десятом соборе было решено послать просьбу Святейшему Синоду о назначении в Японию епископа. Вопрос этот был настолько важен, что сам архимандрит Николай счел нужным, кроме своего письменного прошения, поехать в Россию хлопотать о японском епископате. Основания им Церковь уже созрела для этого. Пережитые ею вначале гонения действительно были для нее живительной грозой и огненным испытанием апостола Японии и его духовных чад.

18 декабря 1878 г. архимандрит Николай пишет прошение в Святейший Синод об учреждении епископской кафедры. Наиболее примечательно его третье обоснование: «Епископ необходим для того, чтобы водворить здесь порядок истинного церковного управления. В детском возрасте образуются черты будущего человека, и если детские годы пренебрежены и человек не приучен к законности, несчастен будет он сам и много несчастий рассеет вокруг себя.

Так же, конечно, и с Церковью: нужно пользоваться годами наибольшей впечатлительности христиан, когда они по юности в церковной жизни готовы слушаться всего (равно, как и наоборот, равно быстры и к уклонению от всего), нужно в это время ясно начертать перед ними путь истинной церковной законности, умело направить на него и твердую рукою повести по нему; с этого времени начинаются в Церкви предания, навыки, примеры, пусть потом являются учителя беспорядка и уклонений — истинные овцы никогда не пойдут за ними, будут говорить: «Не так было прежде, не тому учит пример отцов и проч.»

Далее архимандрит Николай выражает пожелание, чтобы епископ был прислан из России, и тепло вспоминает покойного Преосвященного Павла Камчатского, в котором видит как бы образец святителя: «Приехал он в Хакодате в старой рясе, скромно пришел в Миссию, но, преподав благословение христианам и вошедши в приготовленную комнату, тотчас отозвал в сторону неромонаха Анатолия и, передавая ему тысячу рублей, примолвил: «Примите на Миссию от неизвестного» т. е. без сомнения, из собственного жалования Его Преосвященства. И относительно этой черты, и относительно всех других качеств, как желалось бы, чтобы именно такого Преосвященного дал Бог Миссии. Простой, смиренный, всем доступный, всякого готовый принять, всё выслушать; но при этом точный, исполнительный сам и до педантизма требующий исполнения всего законного от других и, следовательно, порядок держащий строго, наконец, благочестивый, молитвенный и вполне самоотверженный, т. е. совершенно забывающий о себе и живущий только для других — такой епископ был бы истинным даром для Японии»⁴⁶.

В этом прошении сказался весь характер святого Николая. Ни на минуту он не думал о себе, о возможном ограничении своей власти, ведь он просил о присылке начальника над собой. Он начертал идеальный образ епископа, и Господь дал юной Японской Церкви именно такого — его самого, первого равноапостольного Святителя Японии. В приведенном отрывке его прошения Святейшему Синоду дано его представление о пути и подвиге архиерейском, о необходимом сочетании личного подвижничества с общественным служением. Такой образ архипастыря предъясился ему, когда он думал о судьбе своей возлюбленной паствы.

Святейший Синод, оценив предшествующие труды его и высокие душевные качества, запросил его согласия на хиротонию во еписко-

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 160, ед. хр. 890, л. 4.

па. Архимандрит Николай ответил: «Если из России не может быть назначен сюда епископ, то я согласен».

Но в это время возникла опасность для самого существования Православной Миссии, ввиду финансовых затруднений. Архимандрит Николай ехал на Родшу для своей хиротонии с тяжелым чувством. Он сжал (по его словам) «лично умолять о помощи». Во время экзаменов катехизаторов было получено письмо из Петербурга с горьким ответом на его письменные просьбы о материальной помощи Миссии. «Распусти катехизаторов и закрой училище». «Я испытал одну меру — телеграммами попросил помощи, на них даже ответов не было, что мне оставалось делать, как не ехать в Россию, и по приезде туда, что меня ожидает и что ожидает японскую Миссию и Церковь? Ужели такая судьба, какая постигла мои прошения, письма и телеграммы, но это было бы ужасно! Отчего не обращают внимания на мои просьбы, от исполнения которых зависит быть или не быть японской Церкви? Не хотят помогать? Но этого и представить себе невозможно! Нехотение в таком случае было бы изменою Православию»⁴⁷.

Сама интонация этих горьких слов передает то душевное смятение, то искушение, которое перенес архимандрит Николай незадолго до хиротонии во епископа. Самым дорогим для него было его дело — плод его многолетнего труда. Мы видим как бы границу отчаяния и возмущения, когда его просьбы о помощи остались тщетными. Но он не отступил ни на шаг, не устранился, забыл самого себя, свое самолюбие. Он твердо знал, что совершает дело Божие, и это поддерживало его в труднейшие минуты.

Получив разрешение Святейшего Синода на отпуск в Россию, архимандрит Николай, по его словам, «бросился на первый отходящий пароход, чтобы не опоздать, если Бог даст, спасти Миссию и здешнюю Церковь от разрушения».

Из Японии его едва выпустили, как несостоятельного должника, только поверив, что из России он пришлет банку задолженную Миссией сумму. Но, приехав 12 октября 1879 года в Петербург, он узнал, что значительные суммы и от Святейшего Синода, и от митрополита Исидора, и от московской кафедры, и от Миссионерского общества уже переведены в Японию. Вера не посрамила его.

Однако это была только временная мера. Синод не мог увеличить ежегодную субсидию, надежда была на Миссионерское общество, в котором председательствовал Московский митрополит Макарий. Архимандрит Николай поехал в Москву и выступил там на заседании общества с горячей речью о явном Промысле Божиим, ведущем Японию к христианству, и о тяжелом положении Миссии, не имеющей средств на содержание катехизаторов, а между тем число жаждущих узнать о Христе увеличивается. Общество ассигновало приличную ежегодную субсидию. Помогли и Киевская митрополичья кафедра, и Новгородский Юрьев монастырь. Теперь практически стали возможными учреждение японского епископата и расширение штата Миссии.

На заседании 17 марта 1880 г. Святейший Синод постановил «о бытии архимандриту Николаю епископом Ревельским, викарием Рижской епархии, с откомандированием в Японию»⁴⁸. 27 марта 1880 г. было назначено наречение, а 30 марта в Петербурге, в Александро-Невской лавре — хиротония. Хиротонию совершали митрополиты: Новгородский и С.-Петербургский Исидор, Киевский и Галицкий Филарет, Московский и Коломенский Макарий и епископы: Вятский и Слободской Аполлос, Рязанский и Зарайский Палладий, Рижский и Митавский Филарет, Ладужский Гермоген и Выборгский Варлаам.

⁴⁷ Письмо архимандрита Николая митрополиту Исидору от 3 августа 1879 г. ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 205, ед. хр. 490, л. 14.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 160, ед. хр. 1081, л. 20.

Для самого архимандрита Николая хиротония была глубочайшим духовным переживанием. Он так говорил о ней: «Во время совершения таинства хиротонии чувства, кажется, без воли человека, одолевают его, глаза делаются влажными, душа смущается. Все существо под влиянием десниц иерархов, как было сегодня, чувствует претворение. Встаешь совершенно иным, чем опускаешься на колени перед Престолом». В эти минуты он, «как всегда, молился о просвещении всей страны светом Евангелия». При вручении новому епископу жезла митрополит Исидор сказал ему: «До конца жизни тебе служить взятому на себя делу, и не допусти, чтобы другой обладал твоим венцом». «Да памятуется это мне всегда среди раздумья», — писал епископ Николай⁴⁹.

Святейший Синод дал епископу Николаю право собирать пожертвования для Миссии и Японской Церкви, и тот старался чаще служить и выступать с проповедями и воззваниями о помощи. Собрал он сумму, нужную для возведения в Токио собора, который стал как бы светочем и центром японского Православия.

Жертвовались не только деньги, но и облачения, иконы, церковная утварь.

В письме А. В. Краснощекова к Преосвященному Савве, архиепископу Тверскому и Кашинскому, от 23 апреля 1880 г. рассказывается о пребывании епископа Николая в России: «В Москве гостит Преосвященный Николай. Я имею возможность часто видеться с ним и утешаться его истинно миссионерскою душою; сегодня вечером он обещался быть у нас. Живю в нашей Церкви обетование Господне — не оставлю верных Своих рабов: вся история обращенных в христианство японцев есть цепь явлений ниспослания на них Духа Божия. Слушая слово Преосвященного, видишь воспроизведение первых веков христианства. На днях Преосвященный беседовал у матушки игумении Страстного монастыря после совершённой им литургии в храме обители. Зашла речь о том, не преследуют ли новообращенных христиан японские власти? Владыка ответил: «О, как бы возрадовались наши христиане, если бы явилось хоть небольшое гонение! Они жаждут страдать за Христа, но теперь правительство смотрит на них снисходительно. Они радуются в тех случаях, когда хоть домашние преследуют их за обращение, но и это стало повторяться редко». Конечно, бывали и случаи отпадения от христианства. Так называемые «рейтаны» (ослабевшие в вере), затерянные в языческой среде, особенно в удаленных от церкви поселках, не выдерживали. Самое обращение в христианство тоже не было легким: оно требовало изменения жизни и предъявляло новые моральные требования, иногда противоречащие традиционной японской этике. Так, Сергей Сеодзи в статье «Как я стал христианином» рассказывает о трудности даже понять заповедь о любви к врагам, а тем более принять и исполнить».

Как ни дорого было епископу Николаю пребывание на Родине, все-таки он ни на минуту не забывал о своей пастве. «В России, — писал он, — проходит ли хоть один день, чтобы не хотелось в Японию! Там моя привязанности, там моя работа»⁵⁰.

И Японская Церковь нетерпеливо ждала его. Но встретили его здесь не только радостью, но и нестроением. За время его отсутствия сторонники самостоятельности Японской Церкви и ее полной независимости от Церкви Русской основали «Общество стремящихся к справедливости», куда вошел даже любимый ученик и духовный сын Владыки — отец Павел Савабе. Стремление это было преждевременным, не учиты-

⁴⁹ А. Плаготова. Цит. соч., с. 42—43.

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1138. Рукописи Синода, 1879. Дневник иеромонаха Николая, с. 24—29.

вающим ни духовной, ни материальной слабости тогдашней Японской Церкви, и могло привести к расколу. Поэтому святому Николаю пришлось закрыть это общество и к его членам отнестись со строгостью: тот же отец Павел Савабе был переведен из Токно в дальний приход, а некоторые катехизаторы были тоже переведены или уволены. Но все-таки первый период архипастырства святого Николая был радостным, хотя и трудным: он был связан со строительством Токийского собора.

Нового земельного участка для него не удалось найти. Строить пришлось на вершине того же Сурагадайского холма, где была Миссия и ее учреждения, и пришлось искусственно — земляными работами — увеличивать площадь строительства. Дело осложнялось еще весьма неблагоприятным вначале отношением жителей и прессы к самой идее постройки православного храма почти напротив императорского дворца, да еще на одном из высоких холмов, господствующем над городом. Высказывались опасения русского влияния и даже непосредственной угрозы дворцу.

Но все это удалось преодолеть, и 21 апреля (3 мая) 1885 г. совершилась торжественная закладка собора в присутствии представителей русского посольства и всего дипломатического корпуса.

Изменению отношения к строительству собора способствовало то, что в 1884 г. правительство отняло привилегии государственных религий у синтоизма и буддизма. Непрерывно росло и количество христиан, рос и народный интерес к новой религии. В 1886 г. было уже 12 000 православных, не считая проповедников. Новая японская конституция 1889 г. гласила: «Японские подданные имеют свободу религиозных верований, поскольку они не нарушают общественного мира и не противостоят долгу верноподданства». Ц. святой Николай писал: «Отныне в Японии не существует никаких правительственных преград слову Евангелия»⁵¹.

Собор строился 6 лет, по плану архитектора Шурунова, в византийском стиле. Архимандрит Сергей в книге «На Дальнем Востоке» писал, что в нем «море света и простора». Это было одно из самых величественных зданий столицы; купол и золотой крест видны были за 20 километров. Все иконы были написаны по русским образцам, без нарочитой «японизации» (тип лица, разрез глаз, цвет кожи), как это практиковалось в инославных храмах. Освящение храма (во имя Воскресения Христова) состоялось 1 февраля 1891 г. Токийцы впервые услышали колокольный благовест. С епископом Николаем служили 19 священников и 6 диаконов, пел хор в 150 человек. Богослужение привлекло и христиан, и язычников, изумленных красотой и величием храма. Напевы церковные были русские (А. Кастальского, Д. Бортнянского и других композиторов), хотя научить им японский хор было трудно. Здесь заслуга регента Тихая (брата о. Анатолия) и других русских регентов, воспитавших и регентов-японцев. Слова же возгласов и всех песнопений были японскими.

На богослужении многие прихожане были в своих национальных одеяниях, около паперти виселась целая гора японской деревянной обуви, а на полу храма лежали циновки.

Народ стоял благоговейно и истово. Невольно обращал на себя внимание старейший низший японец в кимоно, который изредка крестился, но неотрывно, с глубокой внутренней молитвой глядел на образ в иконостасе и весь был устремлен к алтарю. Он стоял как смиреннейший из смиренных. Это был отец Павел Савабе — бывший языческий жрец и первый православный священник-японец.

⁵¹ Рапорт епископа Николая от 8 марта 1890 г. ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 171, ст. хр. 2454.

Сам Владыка служил в праздничном архиерейском облачении, но без обуви, по японскому обычаю. Он поражал своим простым, почти простонародным, строгим и вдохновенным лицом, своей глубокой собранностью и сосредоточенностью в богослужении. В нем ничего не было от «добренького Владыки». В нем чувствовалась очень большая духовная сила и воля, даже суровость, но с какой лаской склонялся он, благословляя народ на наперти, когда вышел из храма и люди окружили его и теснили, прося благословения! Это был отец и пастырь среди чад своих: многих он знал по именам, знал условия их жизни.

Сам епископ Николаи писал о Токийском соборе: «Храм — положительно замечательнейшее здание в столице Японии, о котором слава разнеслась в Европе и Америке еще прежде его окончания»⁵². Храм этот впоследствии пострадал от землетрясения, но теперь восстановлен.

Незадолго до Русско-японской войны, в 1903 г., в Токио состоялся Собор Японской Церкви, но в ограниченном составе, в основном из одних иереев и диаконов, а большинство катехизаторов не было. Это огорчило Святителя, но он сказал: «Слово Божие, подобно зерну горчичному, возрастает от года в год, и раз оно упадет в землю, то уже не может пропасть даром, а будет расти с каждым годом, давая всё новые и новые отростки. И вот ныне мы с великою радостью наблюдаем новый рост в жизни нашей Церкви. А это, конечно, не от нас, но от благодатной помощи Божией». Затем он коснулся вопроса, наиболее требовавшего уяснения для японских христиан: как им вести себя в том печальном случае, если неминуема война с Россией? «Некоторые из вас, — говорил Преосвященный Николай, — даже письменно спрашивали меня об этом. Говорят, будто это послужит большим препятствием для проповеди православия. Напрасно вы так думаете: это не может иметь никакого отношения к нашей проповеди. И вы должны внушать всем эту мысль. Я сам молюсь, чтобы совсем не было войны. Если же все-таки не избежать нам несчастья увидеть войну, то вы, японцы, конечно, должны... осуществить христианскую любовь в своих самоотверженных действиях»⁵³.

Речь свою Святитель закончил рассказом о прославлении и открытии мощей святого Серафима Саровского, исполненного любви и духовной радости, призывав его благодатную помощь.

Война разразилась, но Японская Православная Церковь устояла в этом испытании. Если для японских православных труднейшим вопросом было отношение к России, откуда пришла к ним вера и откуда пришел их духовный отец и апостол, то для него самого встал не менее острый вопрос: где его место в это страшное время? Японские христиане оставались горячими патриотами, но ведь и он сыновне любил Россию. Разве он мог молиться об ее поражении? А паства его, понимая дилемму, ждала его решения. И он решил и сообщил об этом всей своей епархии, каждой церкви и общине в своем окружном послании: «Я не разлучаюсь с вами, братья и сестры, и остаюсь в вашей семье и будем исполнять вместе наш долг относительно нашего небесного отечества, какой кому надлежит. Я буду, как всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными делами, переводить богослужебные книги. Вы, священники, усердно пасите порученное вам от Бога словесное ваше стадо; вы, проповедники, ревностно проповедуйте Евангелие еще не познавшим истинного Бога, Отца Небесного. Все христиане... возрастайте и утверждайтесь в вере и преуспевайте во всех христианских добродетелях»⁵⁴.

⁵² Н. Левитский. Православие и Православная Миссия в Японии. Благовестник, 1911, т. III, № 20, октябрь, кн. 2, с. 152.

⁵³ Сен ум. Собор Японской Церкви. Церковные ведомости, 1903, № 46.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 186, ед. хр. 5846.

Такая позиция, занятая Преосвященным Николаем, была молчаливо одобрена и признана японским правительством, которое дало распоряжение об охране «Токійского собора и Миссии и самого святого Николая и одним указом обеспечило неприкосновенность Православной Церкви от нападков фанатиков, обвинявших христиан в измене».

В 1904 г. церковный Собор был также малочислен. Многие христиане были мобилизованы. Перед началом соборных заседаний, после молитвы, Преосвященный Николай сказал: «Любезные братие и послужители! Не в доброе для Церкви время происходит наше собрание. Однако же и ныне мы должны воздать за свою Церковь из глубины сердца благодарение и славословие Богу. Она безбедно и мирно продолжает существовать: все христиане блюдут свою веру, все служащие Церкви исполняют свое дело. Должны мы также выразить свою искреннюю благодарность императорскому правительству за его благопочинительность. С самого начала войны по всей стране разослан был указ не смешивать религию с политикой и не мешать никому в соблюдении своей веры и отправлении своих религиозных обязанностей, и, как вы знаете, этот указ со всюю точностью исполняется; если где вспыхивают попытки фанатиков нарушить спокойствие православных христиан, то они тотчас же местными властями потушаются. Но правительственное распоряжение охраняет нашу Церковь от внешней бури; оно не могло бы сохранить ее от бед, если бы она была бедна своею внутреннею жизнью. И от самого малого волнения гнилое судно гибнет, и от легкого ветра изъеденное внутри червями дерево падает. А для нашей Церкви если нет пыле урагана, то, как вы сами знаете, немало есть неприятнейших вейний со стороны всех, не понимающих ее чистого служения Божией истине. Однако же она вполне цела и непоколебима: нет между христианами отступников от веры, никто из служащих Церкви не бежал со своего поста. Не явный ли знак это, что благодать Божия обращается в ней, как кровь обращается в теле, и живет и крепит ее? Не очевидное ли показание того, что Японская Православная Церковь стоит не на песке, а на том же краеугольном камне, на котором непоколебимо утверждена и будет до скончания века стоять вся Вселенская Церковь? Видя это, порадуемся, братие, что не тщетно мы трудимся — Бог приемлет и благословляет наш малый труд. Какое это великое утешение и ободрение для нас. Но Церковь наша не только живет, она и в это трудное для нее время продолжает родить новых чад для Царствия Божия. Не многоплоден у нее этот год, правда; но когда бранные клики наполняют воздух и внимание всех занято военными слухами и делами, тогда мирное слово учения Христова заглушается в воздухе и не достигает сердца людей; только наиболее чуткие душой уловляют и воспринимают его; можно надеяться, что такие будут наиболее ценным приобретением Церкви Божией». Далее он приводит статистические данные о росте Церкви в этот военный год: 720 человек было крещено. Церковь состояла из 28 397 верующих.

Но Святитель отдавал себе отчет в опасности, грозившей и Миссии, и лично ему. Закрывая Собор после пропетого «Достойно есть», он сказал: «Любезные собратия! Прощаясь ныне с вами, я не могу удержать некоторого движения чувств и потому говорю из глубины сердца, прошу и вас принять мое слово в сердце. Надеюсь, что мы увидимся и в будущем году, как обычно, в такое же время. Но можем ли мы с уверенностью сказать это? Видите, как охраняют это место и меня вместе с ним. Значит, есть опасность. Будем уповать, что такая тщательная охрана не окажется тщетною и что ангел Божий покроет своим крылом и защитит от бед Миссию. Но на всякий случай примите мое прощальное слово, как завещание, которое, впрочем, если буду жив, не перестану повторять вам при каждом свидании. Святой апостол Павел

писал своим ученикам: «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11, 1). Мне, конечно, и в голову не может прийти обратить эти слова к вам в широком смысле, без притворной скромности говорю, что считаю себя перед Богом хуже и ниже каждого из вас. Но в одном. я смело скажу вам, подражайте мне — это в верности своему служению. Смотрите, я только родился и воспитался в России, прямо из-за школьной скамьи прибыл сюда с обетом служить проповеди Евангелия и, не изменяя своему обету, прошел весь жизненный путь. Я знаю, что дурно и лениво шел, но, по крайней мере, был верен принятому направлению, не уклонялся ни направо, ни налево. Вас Господь призвал и поставил на этот путь. Будьте же и вы так верны призванию Божию. Вы должны иметь к этому сугубое побуждение, вы служите Христу в своем собственном отечестве, служите великому и вечному благу ваших кровных близких. Итак, будьте крепко преданы самому служению, несите это легкое и благое бремя Христово до конца жизни; учите этому и находящимся под вашим руководством. Господь да укрепит и да поможет в этом и во всем»⁵⁵.

Естественно, что во время войны сношения епископа Николая и Православной Миссии с Россией были затруднены, но субсидии, хотя замедленно, поступали. Содействовал этому и посол Франции, как видно из письма Святителя прот. Н. В. Благоразумову от 21 мая 1904 г. В этом же письме Пресвященный Николай говорит, что «Миссия и Церковь по всей Японии благополучны. Правительство строго следит, чтобы война не имела никакого религиозного оттенка, чтоб за православие, хотя имя его связано с Россиею, никто из христиан не был преследуем. В двух местах были попытки фанатиков обеспокоить православных, так Правительство с такой строгостью отнеслось к этому, что наших же христиан нам пришлось потом просить простить обидчиков. Спасибо им за это!» Замечательны последние слова — и как довершение правдивого облика японской нации и как отеческая благодарность Святителя своим духовным чадам, свято усвоившим его наставления.

Оставшись в Японии, епископ Николай взял на себя попечение о русских военнопленных и привлек к этому делу японских православных мирян и духовенство. Из письма пленного батальонного командира 35-го пехотного Брянского полка подполковника Ковалевацкого мы узнаём, что сами японцы учредили «Общество духовного утешения военнопленных». Пленные снабжались русскими книгами — духовными и светскими, крестами и иконками, организовывалась их переписка с родными, улучшалось медицинское обслуживание. Сама атмосфера лагерей военнопленных смягчилась. Их посещали японские священники, владевшие русским языком и окончившие русские духовные академии, и совершали требы. Умиравшие хоронились по-христиански, и после окончания войны около братских могил воздвигались церкви. В письмах военнопленных отмечалось теплое братское отношение японских православных. Правительство Японии во время войны принимало денежные дотации Миссии от Святейшего Синода.

Епископ Николай и миряне делали военнопленным передачи, нравственно поддерживали и утешали их. Характерно сохранившееся письмо Святителя к одному офицеру:

«Высокоуважаемый Константин Васильевич! Давно не имел весточки от Вас. Думал, Вы переберетесь поближе сюда, в Сидзуока, но Вас в известиях не видно. Почему там остались? Уж не связаны ли с госпиталем? Но Вам давно пора вполне оправиться от раны. Известите, пожалуйста, о себе. Ныне я посылаю к Вам два ящика книг, присланные из С.-Петербурга и из Севастополя; от кого и какие книги, увидите в списке, препровождаемом мною к Николаю Ивановичу Мерчан-

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 185, ед. хр. 5880.

скому. В письме к Николаю Ивановичу я, между прочим, сетую на то, что он, как слышно, очень грустит. Вероятно, и Вы в том повинны. Но если так, право же, Вы с Николаем Ивановичем будете за это отвечать перед Богом. Вы должны всячески крепиться и хранить бодрость духа, раз чтоб сохранить себя для ваших дорогих семейств и для дальнейшей службы Отечеству, а потом, — и это в Вашем положении особенно важно, — чтобы подавать пример терпения и бодрости молодым офицерам, которых Вы с Николаем Ивановичем естественные начальники и руководители там. Слышно, что некоторые от тоски с ума сходят. Какая слабость! Ведь это же стыд для военного человека, обязательные качества которого — твердость духа и мужество. Сумели показать чудеса храбрости против внешнего врага; с беззаветною смелостью шли навстречу тысяче смертей и, почти все израненные и облитые кровью, остались в живых именно только по воле благого Промысла; а теперь слабеют и преклоняются пред чем? Пред мечтой, пред собственным воображением! Потому что тоска и печаль — что же? Не мечта ли? Вообразите что-нибудь другое, настройте мысль иначе, — и расположение духа совсем изменилось. Где печаль? А нет ее!

Итак, пусть скучающие и тоскующие возымеют намерение не скучать и не тосковать, — вот уже половина дела и сделана; затем пусть зададут себе работу: читать, писать, сочинять, изучать что-нибудь, и пусть действительно займутся, — печаль как рукой снимет. Разве нет у человека воли, чтоб исполнить все это, такое простое? Зря отдаться течению мыслей, без паруса, без руля, — это, конечно, Бог знает, куда уплывешь... Вы сами это знаете во сто раз лучше меня. Но исполняйте же то, что знаете: во-первых, будьте благодарны, бодры, светлые духом; во-вторых, убедите быть такими молодых офицеров, особенно тех, которые склонны чрезмерно, губительно для себя, грустить и тосковать. Господь да поможет Вам в этом, и Он непременно поможет, если Вы, со своей стороны, будете делать то, что от Вас зависит!

А вот и другая просьба к Вам. Прочитайте прилагаемое чрезвычайно грустное письмо. Лицо, о котором спрашивается в нем, кажется, в числе пленных не находится. Но не может ли кто-либо из г. г. офицеров сообщить какие-нибудь сведения о нем? Если окажутся сведения, то будьте добры в скорости сообщить их мне, а я здесь еще осведомлюсь в Военном Министерстве. Быть может, кое-что более определенное и успокоительное наберется сообщить сестре г. Богдановского, так нежно любящей его. Письмо будьте добры возвратить, оно понадобится для справки в Военном Министерстве.

Призывая Божие благословение на Вас, остаюсь всею душою преданный Вам и сердечно уважающий Вас, Ваш покорный слуга и богомолец, епископ Николай».

И вот другое письмо Владыки:

«Многоуважаемый Сергей Николаевич! Ваше душевное письмо я читал и перечитывал несколько раз, и всегда с глубоким душевным движением и накапывающими слезами. Глубоко трогает меня эта печаль Ваша, с одной стороны, имеющая причины, с другой — совершенно беспричинная и напрасная. Печален ваш плен, печальна бездеятельная нынешняя жизнь, и особенно у Вас, имеющего призвание к деятельной боевой жизни, — кто же против этого? Но носить в душе слово: «я погиб, ибо плен — та же смерть, но смерть моральная» — Боже, какое это неразумное самоистязание, наподобие тех истязаний, которые налагают на себя индийские факиры!.. Да и наш Петр Великий чуть не попался в плен к туркам, а Наполеон и умер в плену, но разве это мешает им быть великими, и разве это ставится им в позор? Вы пишете, что «делали всё, что подказывало Вам чувство долга и присяги»; каким же неестественным скачком отсюда Ваня мысль перешла к «смерти моральной»? Ваша совесть успокаивает Вас, что Вы «сдела-

ли всё» — что же дальше? Обстоятельства, которыми Вы не распоряжаетесь, — которыми не могут распоряжаться и такие гении, как Петр Великий и Наполеон, — привели вас к плену, Вы-то в чем же тут виноваты? Не знаю, как было, но, вероятно, произошло что-либо наподобие того, как поступил Костюшко, бросив саблю и сказав «finis». — только Вы не прибавили: «Rossiae», как Костюшко «Poloniae». и затем печально, но, заметьте, с совестью удовлетворенного всем сделанным, Вы отделились плену. Дальше, пленная жизнь, конечно, не радостная; но ведь плен же не вечно и даже не долго будет длиться; это временная станция на жизненном пути — неприятная, наподобие одной из тех, на которых Вам, вероятно, приходилось ночевать при переездах в России, где клопы и проч.; но, так или иначе, переночевав на станции, путник с восходом солнца оставляет ее и, радостный, продолжает свой путь, а на нем много прекрасных видов кругом, и радостные встречи, и родной дом, и желанное дело впереди — вот Ваша программа! Зачем же Вы мысленно не рассматриваете ее и не утешаетесь ею, а несомнительно, безрассудно, безжалостно мучаете себя химерами воображаемой смерти? Не моральная смерть или что-либо подобное Вас ждет в России, а почет, с примесью, быть может, еще большей нежности, чем какую встретят возвращающиеся не из плена, а с поля битвы. Не верите мне? Вот Вам слова из письма, только что вчера полученного мною; пишет известный почтенный протоцерей Берлинской посольской церкви А. П. Мальцев, от себя и от своих прихожан, препровождая сюда пожертвования свое и их (1500 марок) в пользу пленных: «Скажите им, страдальцам, что мы носим их в сердце нашем, что они не забыты, дела и подвиги их чтим, раны их целуем, и желаем им скорейшего возвращения в наш родной край к их семьям». Буквально выписываю и, откровенно говоря, пишу сквозь слезы. Участь Ваша истинно трогательна, но для всех и всякого гоже истинно почтенна; такова она ныне, такова будет во всю Вашу жизнь. А жизнь Ваша еще почти вся впереди; Вы еще в периоде Вашей цветущей молодости, Вы можете строить великолепные планы на будущее, с полной надеждой осуществления их. Умудренные опытом, Вы можете и в направлении Вашего призвания послужить много и славно, чего и дай Вам, Господи! Итак, ободритесь, не грустите очень и терпеливо переносите Ваше теперешнее положение, с светлым взглядом на будущее! Господь да поможет Вам в этом!..

Молитвенно призывая благословенные Божие на Вас, с искренней любовью остаюсь Вашим покорнейшим слугою и богомольцем епископ Николай».

Это письмо Святителя полно и отеческой любви, и теплой заботы, и умения ободрить человека радостным и разумным жизнелюбием (предложение ему «программы», как сам святой Николай это назвал, душевной жизни и деятельности). Он мыслит конкретно и в то же время поэтически-образно (сравнение плена с дорожной станцией). Главная же действенная сила этого письма — в непосредственном чувстве писавшего. Он сознаётся, что сдерживает слезы, и, конечно, молодой пленник почувствовал, что он для епископа не чужой, а родной и близкий. Это письмо не назидание, не поучение, а объятие отца т. е. то, что больше всего нужно человеку, попавшему в беду и теряющему бодрость. И тут же конкретный простой совет — это время выжужденного бездействия употребить на изучение чего-нибудь, на расширение умственного кругозора. Владыка посылает два ящика книг — читайте, учитесь! Здесь сказано весь душевный склад Святителя, конкретность его мышления и его предложений, и его организаторский дар. Читая эти письма, мы понимаем, как он привлекал к себе и вел за собой людей, как он, совершая Божье дело в труднейших условиях — в личных, и общественных — начала нашего века, показывал, что и в сов-

ременном мире можно носить тяготы друг друга и так исполнять закон Христов.

Удивительным документом истинно братских христианских взаимоотношений является письмо православных японцев к единоверцам военнопленным на Пасхе 1905 г.:

«Возлюбленные братья во Христе! Примите поздравление от православных христиан юной Японской Церкви с пресветлым праздником Воскресения Христова. В свете сего праздника мы обращаемся к вам. В этом свете, свыше сияющем, исчезает различие народности. Вошедшие в круг сего сияния уже не суть иудей или эллин, русский или японец, но все одно во Христе, все составляют одну семью Отца Небесного. Осияваемые сим светом, мы выражаем перед вами наши чувства. Тайна искупления рода человеческого, обходя вселенную, достигла наконец и наших пределов, и мы счастливы, что познали эту вожделенную тайну и прикоснулись к ней. Мы безмерно счастливы, что познали великую истину Воскресения Христова и всё, что этим событием для людей совершилось. Воскресение Христово обратило для нас смерть в сон, изменило страх смерти в радостную надежду нашего собственного будущего воскресения. Мы счастливы, братия, и тем (просим принять наши слова в их истинном смысле!), что ныне с вами вместе празднуем этот праздник. Не замедлит время, когда вы опять оставите нашу страну, но добрый след останется за вами и верьте, что он будет неизгладимым для нашей Церкви»⁵⁶.

Это письмо свидетельствует о духовной зрелости паствы Святителя Николая, о ее глубокой вере и о человеческой деликатности по отношению к побежденным. И как поражает это письмо, если вспомнить об обращении фашистов с военнопленными, которых они всячески унижали и истребляли физически, хотя Германия считала себя христианской страной. Здесь, в Японии, едва узнавшей христианство, завет Христов стал жизнью, а там, за малыми исключениями, он стал для людей мертвой буквой. Японское православие показало, как можно воплотить заповеданную любовь к врагам, сохраняя самоотверженную любовь к родине. Разрешение этой дилеммы и было плодом апостольства епископа Николая.

Сам святой Николай объяснял терпимость правительства к японскому православию победоносным для Японии течением войны и особым милосердным Промыслом Божиим, сохранившим единую Церковь в годину испытаний.

Святитель Николай своим поведением во время Русско-японской войны снискал особое уважение и в Японии, и в России. Положение его, Православной Миссии и Православной Японской Церкви стало незабываемым и общепризнанным. Имя Святителя знала вся Япония и почитала. Даже через 58 лет после его кончины, во время его канонизации, когда верующие хотели перенести его святые мощи с кладбища в собор, им этого не разрешили, сказав, что святой Николай принадлежит всему японскому народу, независимо от вероисповедания, и останки его должны остаться на народном кладбище. Еще при жизни говорили о нем, что имя его самое популярное в стране после имени императора. По окончании войны, когда русское военное ведомство подтвердило великие заслуги Святителя в деле помощи русским военнопленным, он был почтен саном архиепископа. Но ничего не изменилось ни в облике, ни в жизни этого великого трудолюбца. Как ангел Японской Православной Церкви, он пребывал на своей кафедре, продолжая охранять и воспитывать свою паству, неусыпно заботясь о церковных нуждах, и прежде всего о преемстве архипастырства, и продолжая свою литературно-переводческую работу до смер-

⁵⁶ А. Платонова. Цит. соч., с. 71—72.

ного часа. Самая атмосфера вокруг созданной им Миссии и японского православия стала иной — преисполненной любви, уважения и доверия.

Это всенародное признание заслуг Святителя Николая нашло высочайшее выражение в праздновании пятидесятилетнего юбилея его служения в Японии. Чествовала его и Родина — Святейший Синод и С.-Петербургская духовная академия, многочисленные почитатели его в России и русское посольство в Токио. Поздравили его и японский император, которому Святой был признателен за проявленную веротерпимость, и губернатор Токио, и японская пресса, и инославные миссии.

В речи губернатора Токио звучал подлинный голос Японии, может быть никогда так не обращавшийся к иностранцу. Он говорил о бывших военных и гражданских смутах и о той ненависти к иностранцам, которая еще существовала во время приезда Святителя в Японию: «Когда приехал маститый учитель Николай, считавший своим призванием распространение учения Божия в нашей стране, то, несмотря на то, что он находился среди таких грозных обстоятельств государства и народа, претерпевая всевозможные неудобства, лишения, бедствия и страдания, он спокойно и невозмутимо, с преизбыточной теплотою сердца, обращался к народу, усердно учил и тщательно увещевал и, стараясь положить основания православного христианства в нашей стране, наконец достиг того, что приобрел множество усердных христиан, каких видим ныне. Между тем, и судьба нашего государства постепенно развивается, и мы видим нынешний прогресс. Мне кажется, что те великие заслуги, какие оказал нашему государству маститый учитель Николай, не ограничиваются успехами одного только миссионерства, но также заключаются и в том, что он содействовал развитию цивилизации в нашей стране... даже те, которые некогда направляли на иностранцев сверкающие яростью глаза, теперь обращаются с ними с радостью, приветливостью и благоволением, и я, удостоившись присутствовать на этом акте, почтительнейше приношу хвалу заслугам, оказанным маститым учителем Николаем, как для мира и гуманности, так и для нашего государства, и вместе с тем молю Бога, чтобы Он ниспослал неисчислимые лета и блага на главу маститого учителя»⁵⁷.

После окончания торжественного праздничного богослужения исполнялась кантата, написанная специально к этому дню японским композитором. В храме Святителю было поднесено художественно оформленное Евангелие в его переводе. Затем было народное угощение во дворе Миссии и дан концерт силами семинаристов и женского епархиального училища. Вышедший Святитель был встречен криками «Банзай!» («Ура!»). Он обратился к народу и правительству Японии с благодарственной речью. Это юбилейное торжество было ему достойным памятником всеобщего доверия и любви.

ГЛАВА III. ЗАВЕРШЕНИЕ

Еще 18 декабря 1878 г. архимандрит Николай в своем прошении Святейшему Синоду об «обеспечении учреждения Миссии» развертывал план переводческой работы. Говоря о желательности назначения новых трех миссионеров, он считал, что один из них должен «исключительно» заниматься вопросами перевода на японский язык «священных, богослужбных, религиозно-научных и нравственно-назидательных книг». «По Священному Писанию хоть что-нибудь для пользования есть; по части же богослужения почти ровно ничего нет, переве-

⁵⁷ Церковные ведомости, 1911, с. 1756—1757

дено только самое необходимое для отправления всенощной, литургии и совершения таинств. Оставаться долее при этом нет никакой возможности, иначе в Церкви явится протестантский произвол и неурядица. Словом, перевод богослужения — дело существеннейшей, не герпящей малейшего отлагательства, необходимости. Для катехизаторской школы нужны дальнейшие учебники, для священников и катехизаторов — преимущественно религиозно-научные книги, для всех вообще христиан — книги религиозного содержания для чтения». Эту работу он предложил возложить на начальника Миссии, т. е. на самого себя.

Здесь примечательна забота святого Николая о чистоте Православия в младенствующей еще Церкви, о том, чтобы не зародились в ней «протестантский произвол и неурядица».

Перевод богослужебных книг начат был Святителем еще в Хакодате — с круга воскресного богослужения; затем святой Николай перешел к Цветной Триоди, а потом — к Постной.

«При переводе большую сложность представляло образование новых богослужебных и религиозных терминов, несущих особый христианский смысл, дотоле не встречавшийся в японском языке. Даже звания молодых помощников епископа Николая, окончивших духовные академии в России, — «кандидат богословия» — не существовало. Для ученой степени «кандидат» соответствующее понятие было, но термина «богословие» не было. Был «путь богов», жрец назывался «знающим путь богов». Владыка Николай предложил слово «сингануси», составленное таким образом: «син» — бог, «гану» — наука. «си» — ученый человек. Это слово составлено по образцу других новых слов, вошедших в японский язык для перевода таких европейских терминов, как «психология», «биология», «психолог», «биолог». В таких случаях бралось понятие «душа» или «жизнь», прибавлялось «наука» — «логия» — наука. Даже при переводе простой молитвы «Господи, помилуй» встал вопрос, как перевести слово «помилуй». Выражение «помилуй» часто воспринимается как помилование преступника. «У нас, — говорил епископ Николай, — таких отношений с нашим Богом нет. Мы возьмем слово «аварема». Так мать «милует» ребенка. «жалует», в исконном древнерусском смысле»⁵⁸.

Приступая к переводу Нового Завета, Святитель не сразу нашел правильный метод перевода. Он вспоминал: «Когда научился я кое-как говорить и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употреблял для оригинальных и переводных сочинений, то с этим знанием немедленно же приступил к переводу Нового Завета на японский. Отыскивать китайские знаки для каждого русского слова — труд далеко не под силу мне, да и бесполезный, а с китайского — дело по-видимому легкое: японец, хорошо понимающий китайскую книгу, переводит Евангелие на японский, причем каждое слово выражено китайским знаком, но около него поставлено японское чтение, а затем все грамматические формы выражены также фонетическими японскими знаками. Мое дело было с другим японским ученым проверять и поправлять перевод. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно занимаясь китайским текстом, не дошел до разочарования в авторитетности его». Святой Николай увидел в китайском евангельском тексте ошибки и «шероховатости» и перешел к непосредственному переводу с русского и славянского текстов. «Передо мною лежат славянский и греческий тексты богослужения, с книгами под рукою, способствующими правильному уразумению его. У моего сотрудника под руками китайские и японские лексиконы и грамматики;

⁵⁸ А. Васильев. Из воспоминаний об архиепископе Николае. «ЖМП», 1962, № 6, с. 75

также перед нами китайский текст богослужения, заимствованный нами из Пекина от нашей Миссии. Смотря в славянский текст и проверяя его греческим, я диктую перевод, стараясь выразить смысл с буквальной точностью; сотрудник записывает китайскими иероглифами, вперемешку с японскими алфавитными знаками. Трудности перевода в этой стадии заключаются в том, что японская грамматика противоположна нашей, т. е. по-японски поставить подлежащее надо впереди, между ним и сказуемым должно вместить все, что есть в переводе; сколько бы ни было придаточных и вводных предложений, все они должны встать впереди главного сказуемого; в каждом придаточном и вводном — то же расположение частей.

Когда песнь или молитва продиктована и синтаксическое отношение части ее установлено, тогда начинается отделка написанного, причем моя главная забота — не дать по возможности ни на йоту уклониться от смысла текста; сотрудник же мой с неменьшей заботой хлопочет в интересах правильности и изящества грамматической и стилиевой конструкции речи. Эта часть работы самая трудная и кропотливая. Тут-то особенно нужна китайско-японская ученость, потому что, во-первых, нужно отчетливо знать смысл каждого китайского знака, чтобы из многих однозначущих иероглифов выбрать наиболее употребительный и понятный. Во-вторых, нужно обсудить, оставить ли за иероглифом китайское произношение или дать ему японское, потому что иероглифы, переходя из Китая в Японию, принесли с собою китайское однозвучное чтение, которое остается за ними и доселе и которое в полном объеме доступно только глубоким ученым, но которое, грациями сокращаясь и опускаясь вниз, в значительной степени проникло до самых низших слоев народа; в то же время почти каждый знак переведен по-японски и имеет свое японское чтение. Чему следовать? По-видимому, нужно бы держаться чисто японской речи, но весьма часто случается видеть, что японское чтение знака даже для необразованных людей бывает менее понятно, чем китайское. В-третьих, нужно подумать и о том, оставить ли знаки без японской алфавитной транскрипции, или, по трудности знаков, либо по двусмысленности их, подставить ее и в какой мере. Одним словом, нужно решить, какой язык усвоить переводу. При мысли о важности того, что переводим, любезен нам самим почтенный язык ученый, который не стесняется много ни знаками, ни произношением их и не нуждается ни в какой транскрипции; но этот язык был бы псеудобен и для среднеученых, а для малоученых совсем не понятен. При мысли о том, что переведенное нами должно быть доступно всем и что в этом именно и должно состоять главное его достоинство, влечет нас к себе язык массы, язык народный, но тогда перевод наш вышел бы до того вульгарным, что им сразу пренебрегли бы все, не составляющие простонародья. Положено нами употреблять язык средний. Этому стараемся и следовать, хотя, по неопределенности признаков и неясности границ, здесь широкое поле для нескончаемых споров, в которых я всячески стараюсь отстаивать наибольшую общепонятность, а мой сотрудник защититься от вульгаризмов и соблюсти изящество речи. Когда, наконец, все эти трудности удалены, текст перевода установлен и переведена вся книга, мы опять ее проходим, тщательно сверяя с оригинальным текстом, наблюдая, чтобы по всей книге для одних и тех же оригинальных слов и выражений были употреблены и те же переводные иероглифы и чтения»⁵⁹.

Насколько тщательна была эта работа, показывает эпизод с иероглифами, обозначающими страх. Есть обозначения обычного страха и страха, соединенного с любовью. «В отпечатанном ныне «Служебнике» только потому, что именно один иероглиф «страх», несмотря на

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 796, ед. хр. 3449, лл. 4—6.

нашу внимательность, вкрался вместо другого, более желательного, пришлось перепечатать целый лист», — рассказывает Святитель.

При переводе Священного Писания и богослужебных книг на японский язык главную опасность представляет собою употребление тех китайских иероглифов, которые имеют в буддийском и синтоистских канонах особый смысл, расходящийся с православным, например, все гермины, касающиеся буддийского абсолютного бытия как безличного (нирваны), расходящиеся с православным представлением о личном Боге, рас, свободной воле человека, составляли особую трудность. Иногда установление одного иероглифа требовало долгих часов совещания епископа Николая с его помощником Никаи-Сан.

Сохранился ряд высказываний святого Николая о принципах его перевода, о самом его стиле, о характере языка. «Я полагаю, что не перевод Евангелия и богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, а, наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения и оба они для японского глаза и уха одинаково благородны, я, конечно, отдам предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю никаких компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне пришлось употребить и очень мало известный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания гребует большого напряжения со стороны японцев, но это в значительной мере объясняется новостью для них самого православия». Надо было угадывать различия в народном и учено-литературном японском языке и говорить о христианстве так, чтобы и иероглифика, и ее прочтение, и самый выбор выражений не вызвали пренебрежения культурных кругов. Сколько же потребовалось знаний и труда от Святителя для такой проповеди христианства, которая нашла бы доступ к уму и сердцу японского народа!

Принципы работы Святителя Николая отчетливы в его переводе Евангелия от Иоанна. О них говорит и А. Васильев в своей статье в «Журнале Московской Патриархии» (1962, № 6). Более подробно их описывает один из ученых-востоковедов: «Во времени этой работы Святителя уже существовали католический и протестантский переводы Евангелия от Иоанна на японский язык. Примером может послужить работа переводчиков различных исповеданий над 1 стихом 1 главы: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Японцы пишут смешанным письмом: и иероглифическим (китайским), и фонетическим (своим). Иероглифами они пишут, в частности, все термины, т. е. слова сугубо «понятийные». Поэтому такие понятия, как «Логос» и «Господь», они должны были в переводе передавать иероглифами, но какой иероглиф выбрать из океана китайских иероглифов, также обозначающих это понятие? И вот начались поиски, что в китайской философии, в идейной области как-нибудь близко к этим понятиям христианства, конечно, не по внутреннему духу, а хотя бы по общему смыслу. И вот очень образованные католические миссионеры, хорошо знавшие китайскую философию, нашли, что самым близким и наиболее емким по смыслу слова иероглифом для «Логоса» будет китайское «Дас». Буквально «Дао» значит «путь, дорога», но слово «путь» (с маленькой буквы) превращается в «Путь» (с большой буквы) в отвлеченное и крайне великое по смыслу понятие, прежде всего со смыслом чего-то ведуще́го, направляющего и человеческие судьбы и жизнь всего мира.

Так появился в католическом японском переводе Евангелия этот иероглиф. Но для японца надо было указать, как его следует прочитать, т. е. какое японское слово тут поставить. (Такие «чтения» иеро-

глифов ставятся сбоку знаками японской фонетической азбуки, т. е. теми, которые может прочесть всякий, знающий эту азбуку.) И вот католики и решили по-японски прочитать этот знак так же, как его читают китайцы, т. е. словом «Путь» (дорога), словом «Мити», считая (и считая правильно!), что слово «путь» для японца может быть «дорогой» и «путем мироздания и мироправления». Так католики пошли на перевод слова «Логос» не буквально «Слово» (языка), а по смыслу, и этим сразу придали понятию огромный, отнюдь не житейский смысл.

Протестанты решили, что нельзя жертвовать самим греческим словом. А оно может восприниматься и в простом значении — «слово языка», т. е. быть словом (с маленькой буквы) и Словом (с большой буквы). И вот они решили так: не отказываться от иероглифа «Дао» («Путь»), который всякого японца и китайца сразу же настраивает на мысль, что тут дело идет о чем-то верховном, ведущем всю жизнь мира и человека; они решили оставить тот же иероглиф, но прочитать его, т. е. подставить под него, не «Мити» (т. е. тоже путь), а «Катоба», это по-японски значит «Слово языка». «Катоба» можно, конечно, написать и иероглифически. Буквально это было бы «ласточка речи» (красивое восприятие слова в языке!), но в нем не было бы ничего значительного, такого, что могло бы навести на мысль, что тут дело идет не о простом слове, а о чем-то большем. Поэтому они сочли, что этим сохранится только внешняя образность оригинала, выбравшего для такого великого понятия самое обычное, но в то же время легко обрабатываемое в термин слово «Логос» с его глубоким внутренним смыслом. Святой Николай решил дать для слова «Катоба» те иероглифы, которыми это слово обычно пишется и которые никакого особого внутреннего смысла не несут. И он сам и его помощник по переводам прекрасно знали китайскую философию и связанную с ней иероглифику и решили пресечь самую возможность как-то ассоциировать христианский «Логос» с чем-либо в китайской философии, пусть даже в какой-то мере близким. То же, да не то! Лучше пойти на обыденность иероглифа и слова, чем на соблазнительную значительность его, заимствованную из другого мира чуждых идей и верований. И эта недоступная самому слову «Катоба» значительность придается контекстом («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»). Таким образом, здесь «Катоба» не означает просто «слово языка». Трудные для перевода места Священного Писания святой Николай даже рассылал по отдельным церквям и общинам, как бы на совет, каким образом их перевести, и затем выбирал наиболее подходящий вариант. На труд свой он смотрел как на общий труд, общее дело всей Японской Церкви, соборное и вдохновляемое Духом Святым.

Так Святитель искал максимума точности и соответствия Божественной простоте Евангелия и не соблазнялся ни глубокомыслием католического перевода, ни красотой протестантского. Работая над переводом Священного Писания, святой Николай избегал чтения японских католических и протестантских переводов Библии. «Я по принципу не читаю ни католических, ни протестантских переводов Библии, из опасения подчиниться им и хотя бы невольно что-либо из них заимствовать». Святым Николаем выработан совершенно особый японский православно-богословский словарь терминов, что представляет собой гигантскую, имеющую широкое значение лексикологическую работу. Термины святого Николая являются точным переводом славянских и греческих богословских терминов. Близость к подлинникам и в значительной мере трудный подбор иероглифов осложняли работу. Святой Николай говорил: «После первоначального ознакомления с инославными переводами я увидел, что текст их местами испорчен и очень часто изукрашен до совершенной перефразировки, до пропуска и вставки лишних слов.

Это заставило меня тщательно следить за текстом по русскому и славянскому переводам; изредка встречающиеся несогласия (всегда, сколько я заметил, в пользу первого) побудили меня заглядывать еще в Вульгату и в английский текст, наконец, я достал греческий Новый Завет. Просматривая начальный стих во всех этих чтениях, а в трудных местах прочитывая и толкования Златоуста, я, наконец, дошел до такой медленности в переводе, что в 5 часов, которые посвящались в сутки на эту работу, перевел не более пятнадцати стихов. Переводить в последнее время я уже стал сам, отдавая текст лишь после этого на просмотр ученому японцу. Так переведены послания апостола Павла к Галатам, Ефесянам, Филиппийцам, Колоссянам и половина послания к Римлянам. Оглядываясь теперь на эти переводы, я снова вижу бесчисленные неисправности. Переведенные же сначала четыре Евангелия и Деяния апостолов требуют нового перевода». Так взыскателен был к своей работе святой Николай.

Огромное значение для перевода всех религиозных книг имел перевод самого слова «Бог». У японцев наиболее употребительно наименование божества «ками», как всемогущего, но было еще выражение «Сю» — «хозяин», имеющий вассальных слуг, о которых он заботится. Православный перевод, подчеркивая этот Божественный Промысл, и употреблял наименование «Сю». Епископ — «сю-ке», как бы управитель веры. После переводов святого Николая христианский Бог во всех переводах христианских вероисповеданий именуется «Сю».

Святитель работал над переводами буквально до дня своей кончины. Он мог бы повторить слова святого Димитрия Ростовского: «Моему сану (несмы его достоин) надлежит слово Божие проповедати не токмо языком, но пишущей рукою. То мое дело, то мое звание, то моя должность».

При Миссии издавался ряд журналов:

1. «Кеоквай Хосци» («Церковный вестник», 1877 г.).
2. «Сейкео симпо» («Православный вестник», 1880 г.). Здесь печатались переводы и самостоятельные духовно-нравственные произведения японских авторов, главным образом, молодых людей, окончивших русские духовные академии. В журналах этих отражалась и текущая жизнь Японской Церкви (то было одно из крупнейших миссионерских изданий всей Японии).
3. «Ураниси» («Скромность» или «Сокровенная добродетель») — женский ежемесячный журнал, издававшийся при женском миссионерском училище. Здесь печатались и духовно-нравственные, практически-наставительные и художественные произведения. Святитель уделял серьезное внимание женскому духовному просвещению, понимал роль женщины в христианизации семьи.
4. Журнал «Синкай» («Духовное море») — апологетического характера.

5. «Сейкео есва» («Православная беседа»), в основном посвященный проповедям и речам и обсуждению религиозных истин.

Кроме журналов, издавались еще некоторые книги и брошюры, а также переводы богослужебных книг. Деятельное участие в издательстве Миссии принимало основанное святым Николаем «Общество переводчиков», знакомившее соотечественников с русской и европейской литературой — религиозной и художественной. Святитель благословлял и переводы светских произведений: «Узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Гоголя, Лермонтова, графов Толстых, нельзя не полюбить России»⁶⁰.

⁶⁰ Д. Позднеев. Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика, СПб., 1912, с. 55

Святитель Николай уделял много внимания и миссийской библиотеке, имевшей не только духовный, но и научный и светский отделы. Для понимания этой стороны духовной деятельности святого Николая интересны его культурные и научные связи. Многолетнее товарищество, начавшееся еще в Петербургской духовной академии, связывало его с московским протоиереем Николаем Васильевичем Благоразумовым, членом Миссионерского общества, который много помогал Японской Православной Миссии, был ее представителем в России и выполнял различные поручения святого Николая. После кончины последнего он передал его письма в библиотеку Румянцевского музея, директор которой Дашков тепло относился к Миссии, принимая ее издания и в свою очередь посылая ей дубликаты книг Румянцевской библиотеки.

Святитель пишет протоиерею Н. В. Благоразумову в октябре 1896 г.: «Послал недавно книги, изданные Миссией, в подарок библиотеке Румянцевского музея в Москве и Московской духовной академии и попросил у директора музея Василия Андреевича Дашкова и ректора академии архимандрита Лаврентия книг для миссийской библиотеки, т. е. вторых или третьих экземпляров, излишних для их библиотек, которые всегда, вероятно, в подобных учреждениях имеются и каких из библиотеки Румянцевского музея много уже пожертвовано было Миссии В. А. Дашковым в 1880 г. Если только мои письма не попадут под сукно, книг, вероятно, пожертвуют, если же попадут, то просьбы мои останутся тщетными». Далее Святитель просит протоиерея Н. В. Благоразумова о тщательной упаковке книг.

Целый ряд изданий Миссии с аналогичными просьбами о пожертвовании книг в миссийскую библиотеку был направлен святителем и в Петербургскую духовную академию. Вот его пожелания относительно состава библиотеки: «Что касается вопроса, какого рода книги желательны для здешней библиотеки, то, конечно, прежде всего по религиозным отделам, начиная со Священного Писания, святых отцов, догматики, а затем и по светски-научным, начиная с естественных религий, философии и далее, и притом, если можно, не на одном русском, а и на других языках, особенно на английском. В Миссии библиотека уже порядочная, более 10 тысяч томов, и нужно правду сказать, книги не застаиваются на полках»⁶¹.

Очень содержательна и переписка святителя Николая с известным педагогом XIX века, организатором русских сельских школ, бывшим профессором ботаники в Московском университете С. А. Рачинским. Связывали их не только общие педагогические взгляды и взаимопонимание в религиозных вопросах, но и землячество.

Знаменитая первая сельская школа С. А. Рачинского в его родном имении Татево, в Бельском уезде Смоленской губернии, находилась в нескольких верстах от с. Егорье на реке Березе, где родился святитель Николай и где прошло его детство; сюда он приезжал и на каникулы из семинарии и академии. Этим двух людей роднила и любовь к этому живописному, исконно русскому крестьянскому краю. «Над луговой полосой, бегущей вдоль Березы, возвышается гора с высокими рощами, с белой церковью... Береза втекает в Межу, приток Двины. Верстах в пяти от нее начинается бассейн Волги, верстах в двадцати — источник Днепра... Отсюда, из деревни Белашово — самого высокого пункта, видны «Татеево» и с. Егорье — родина епископа Николая»⁶², — пишет С. А. Рачинский.

Видный русский педагог внес в народную школу «всю широту взгляда, всю разносторонность образования, полученные как по воспитанию»

⁶¹ Письмо к протоиерею Н. В. Благоразумову от 12 мая 1904 г.

⁶² Школьный поход в Нилову пустынь. Сельская школа. Сборник статей С. А. Рачинского. М., 1891, с. 117.

танию, так и по обстановке предшествующей жизни и деятельности (9 лет профессуры. — А. А.)». Народная школа, по убеждению С. А. Рачинского, должна была быть построенной на началах народной жизни и во главе угла ее должно было лежать национальное воспитание.

Святитель Николай никогда не забывал милой ему Смоленщины, и в далекой Японии Бельский уезд навсегда остался для него «нашим уездом». Когда он узнал, что при участии Рачинского там открывается Жизлинская сельская школа, он пожертвовал на ее постройку всю свою первую годовую пенсию и предназначил пенсию за следующий, 1903-й год. Он пишет С. А. Рачинскому: «Боже! Как подумаешь, что за необъятное значение имсет сельская школа! Велика и обширна Россия: шестую часть света занимает она, и на каждом клочке ее в 3—4 квадратных верстах водятся вот такие бриллианты, какие открыты Татевской школой и отшлифованы в виде художников, священнослужителей, учителей и т. п. Будь Россия покрыта сетью школ, подобных Татевской, как заблестала бы она в мире!» «...Вы представить себе не можете, как, живя за границей, страдаешь за недостаток людей для общественной деятельности в России... Отчего это? А нет их оттого, что русский народ еще не развит. Наличия образованного класса едва хватает для службы в самой России... Иное дело будет, когда она будет образованна. Итак, развитие массы — вот что насущнейшая потребность России»⁶³.

Горячая любовь святителя к Родине и понимание необходимости просвещения и образования широких народных масс приближают его к устремлениям прогрессивных деятелей той эпохи. Он настолько высоко ценил педагогический опыт С. А. Рачинского, что направлял к нему питомцев японских миссийских школ, придавая большое значение работе не только по образованию их, но и воспитанию. И молодые японцы, командированные в русские духовные академии, не раз посещали С. А. Рачинского и Татевскую школу.

Сам святитель печатал статьи и в светских изданиях. Он сотрудничал в «Русском вестнике», в сборнике «Древняя и новая Россия» и в «Русском архиве». Научные работы святителя были не случайны. Еще будучи иеромонахом, он писал: «Много раз манила меня на свое поле наука; японская история и вся японская литература — совершенно непочатые сокровища, мои же силы всецело посвящены миссионерству»⁶⁴.

Таким образом мы узнаём об одной глубокой жизненной дилемме архиепископа Николая. Все так привлекавшие его знания он приобрел, стал известным востоковедом, общепризнанным авторитетом, но вопрос был для него не в сумме знаний, а в том, на что они будут направлены. Так было и для каппадокийцев — образованнейших людей своей эпохи — с вопросами тогдашней эллинистической культуры. Он шел по их стопам. Для него вопрос был в том, не отвлечет ли его наука от миссионерской работы, которую он почитал своим долгом и призванием, или гармонически сольется с ней и будет ей помогать. Наука ему помогла. Без глубокого изучения истории и культуры Японии, без постижения ее духа и национальных особенностей он не смог бы стать ее апостолом.

Японская Православная Церковь ширилась и укреплялась, одни заботы святого Николая сменялись другими, но были и постоянные, никогда, за всю его миссионерскую деятельность, не оставлявшие его. Это — материальная нищета Миссии и самой юной Церкви, отсутствие или недостаточное количество, да и неподготовленность помощников и, главное, неимение преемника на случай тяжелой болезни или смерти.

Нищета Миссии заставляла святого Николая почти непрерывно об-

⁶³ Письмо к С. А. Рачинскому от 18 марта 1901 г.

⁶⁴ Вера и разум, 1906, № 17, с. 245.

ращаться и в Миссионерское общество, и к различным российским кафедрам, и к частным благотворителям со слезными просьбами о субсидиях и пожертвованиях.

В 1902 г. святитель пишет протоиерею Н. В. Благоразумову: «У Миссии настоящих и будущих нужд непроглядное множество, как и быть иначе? Она заводится с ни кола, ни двора. В Токио и Киото она уже обставлена порядочно. А в Осака, где богослужение совершается в тесной и низкой комнате, летом точно в бане! В Хакодате, где досчатый храмик, построенный когда-то консульством, от гнилости грозит задавить молящихся». Он перечисляет «важные церковные пункты», где много верующих, но нет церквей и нет местных средств, чтобы их построить. А нужно и расширение школ и церковного печатного дела, иначе Японская Церковь будет обречена на застой.

Святитель говорит о бедности японских христиан и малочисленности между ними людей богатых и сравнивает неокрепшее христианское общество с брошенным без помощи ребенком. «Оттого здесь и рассчитываешь и экономишь на одном, чтоб достало на другое».

Из года в год он пишет свои просьбы в Россию, часто не получая даже вежливого ответа, а не то чтобы пожертвования. Он просит протоиерея Н. В. Благоразумова: «Дайте свежие указания — к кому писать. Не беда, если некоторые или большая часть указаний окажутся неудачными: я готов безропотно писать даром в 10—20 мест, лишь бы в 21-м дали просимое».

Пожертвования поступали, но бывало и так, что сначала под видом пожертвования присылали иконостас и колокола, как, например, для храма в Киото, а потом счет на них.

Все банковские счета, все денежные учеты он вел сам до последнего дня своей жизни; это были его вериги, тяжкие для его устремленного и горящего духа, но необходимые для его святого дела в условиях, столь отличных и от первохристианских и даже от условий миссионерской работы на Алеутских островах (епископа Иннокентия) или на Аляске (преподобного Германа). Святой Николай, первый из русских святых, жил в условиях древнего язычества и современной цивилизации.

На святителя легла огромная административная работа по управлению епархией и различными делами Миссии, а помощников из России или совсем не было, или были единичны — в течение многих лет. Состав приезжавших из России миссионеров был текучим и явно недостаточным. Немногие приезжие выдерживали нищенские условия работы, совершенно чуждый быт местного населения и непривычный климат. Японский язык был труден для изучения. Их скорое возвращение в Россию стало для японцев настолько привычным, что, увидя приехавшего миссионера, они, усмехаясь, спрашивали: «А когда он уезжает?» Некоторых рядовых миссионеров приходилось отправлять обратно, как не справившихся с работой.

Счастливыми исключениями были братья Тихай. Один из них — иеромонах Анатолий, о котором уже говорилось выше, более 20 лет проработал со Святителем, пережил последнее гонение в Японии на христиан и много сделал для духовного образования, для семинарии и катехизаторских и русских школ, а другой брат — талантливый регент; благодаря его трудам богослужение на японском языке имело русские православные папевы. Отец Анатолий Тихай был сверстником и искренним другом святого Николая, который всецело ему доверял.

Большое значение для Японской Церкви имела связь с ней будущего патриарха Московского и всея Руси, в те времена иеромонаха, а потом архимандрита Сергия (Страгородского).

Блестяще закончив в 1890 г. кандидатом богословия С.-Петербургскую духовную академию, он должен был остаться при ней стипендиан-

том и готовить магистерскую диссертацию. Но его привлек апостольский подвиг святого Николая, и молодой иеромонах подал прошение о назначении его в Японскую Православную Миссию. В августе того же года он с товарищем — иеромонахом Арсением отправился из Одессы кругосветным путем в Японию и по приезде прежде всего взялся за изучение языка. Через 2 месяца он уже смог служить литургию на японском языке, правда, читая тексты, написанные русскими печатными буквами.

В 1891 г. святитель Николай перевел его в Киото — древнюю столицу Японии — настоятелем церкви, но в том же году осенью вернул его в Токио для преподавания догматического богословия в семинарии. Этот курс он мог уже вести на японском языке.

В 1893 г. отец Сергей опять настоятельствовал в киотском храме, проповедуя и крестя новобращенных. Затем он был отозван в Петербургскую академию исполняющим должность доцента по кафедре Священного Писания Ветхого Завета, но Япония оставалась в его сердце. Он запечатлел образ ее Православной Церкви и святителя Николая в своих «Письмах японского миссионера», печатавшихся в «Богословском вестнике» и в книгах «На Дальнем Востоке» и «По Японии». Эти его труды имеют непреходящее значение для изучения истории японского православия и жизнеописания святителя Николая.

Архимандрит Сергей, позднее назначенный настоятелем русской посольской церкви в Греции, продолжал стремиться в Японию и в 1897 г. вторично выехал туда как помощник начальника Миссии. Он любил тамошнюю свою паству, исполненную первохристианского духа, и миссионерская работа отвечала его духовному складу. С ним приехал студент академии иеромонах Андроник, благоговейно и трепетно ожидавший часа предстать перед великим апостолом Японии — святым Николаем⁶⁵.

Но, к огорчению святителя, архимандрит Сергей через 2 года опять был отозван на Родину, чтобы занять пост ректора С.-Петербургской духовной семинарии. Эти два пребывания будущего патриарха в Японии имели большое значение для самого существования и направления Японской Церкви, для ее контактов с Матерью — Церковью Русской. Никто из первосвятителей русских больше, чем патриарх Сергей, не мог представить себе конкретного положения и особенностей церковного строя в Японии, и это его мудрое понимание легло в основу и отношения Святейшего Патриарха Алексея, при котором была дарована автономия Японской Церкви и совершилась канонизация архиепископа Николая.

Чем старше становился святитель Николай, чем больше росла и развивалась Японская Церковь, тем больше он сознавал необходимость еще при жизни своей обрести достойного преемника, а сейчас викария, с кем он мог бы делить миссионерские и архиастырские труды. Об этом несколько лет он неустанно писал в Россию Святейшему Синоду и лично обер-прокурору, хотя у него и мысли не было уйти на покой. «На покой миссионеру, когда у него есть хоть капля силы служить своему делу? Это для меня представляется столь несообразным, что я и в мечтах никогда не пытался примеривать покойный халат. Хочется умереть на той борозде, где Промысел Божий судил и пахать, и сеять»⁶⁶, — говорил он.

Дух великого архиепископа и апостола не угасал и не ослабевал, но физические силы с годами стали падать. Уже в 1897 г. он пишет

⁶⁵ Сохранился его дневник.

⁶⁶ А борозда эта была и длинна и глубока. В 1909 г. крестилось 1120 японцев, и к январю 1910 г. православных приходов было 265, а всех верующих — 31 538 человек, все священнослужители и катехизаторы были японцами.

в рапорте Святейшему Синоду: «Я уже перешел за ту черту возраста, где начинается естественный заштат, что, не принимая непредвиденных иных обстоятельств, недалеко от предела сей жизни, итак мне надлежит существенная и несложная обязанность позаботиться о заместителе меня здесь. Для пользы юной Церкви, где еще нет никаких преданий, установившихся навыков, напрактикованных служебных лиц, решительно необходимо, чтобы предстоятель ее, прежде чем он станет на свой пост, приобрел должную опытность и достаточное знание здешних людей и обстоятельств»⁶⁷.

О насущной необходимости прислать ему помощника он пишет и в одном из частных писем: «Господь среди людей действует через людей, и ст нас зависит, как воспользоваться Его благодатной помощью для дальнейших успехов или остановить ток Его благодетий и оказаться рабами неключимыми». Дальше он пишет удивительные по смирению слова: «Я откровенно скажу, что в глубине души считаю себя совершенным ничтожеством, чем-то вроде заржавленного гвоздя, который крепко держится в стене благодаря своей заржавленности, потому же и держащего что на нем повешено: благоразумный хозяин знает, что такому гвоздю долго не продержаться и заранее вбивает около него новый, более надежный. Скажу после этого смело, что умри я и не будь доброго преемника мне, все здесь рухнет. Многоопытные наперед это соборают и предрешают»⁶⁸.

Но помощь в те годы не пришла. В 1904 г. святитель снова пишет Святейшему Синоду: «Доживаю последнее время моей жизни. Давно пора подумать о заместителе меня здесь. Для юной Японской Церкви будет весьма бесполезно, если в случае моей смерти или в случае тяжелой болезни станет заведовать ею не человек, достаточно воспитавшийся здесь для того, а внезапно присланный, не знающий ни языка, ни характера людей, составляющих ее, ни обычаев страны». Во всех этих просьбах святого Николая отражается совершенное забвение своих личных интересов, совершенная отдача себя делу Церкви. Если святитель возводил на новую духовную ступень юную Церковь, то Господь вел его самого на новые ступени самоотречения и подвига. Самым большим соблазном было бы назвать созидание этой Церкви своим собственным делом, а святитель все пруснейшее относил к благодати Божией и самый труд приписывал в большей мере обращенным японцам — катехизаторам, а позже — местному священству.

В истории Японской Церкви мы видим и историю личного подвижничества святого Николая. На его апостольском пути надо было преодолеть и самовластие, и самоощущение, и усталость, и старческую немощь. Здесь требовались в полной мере самоотдача Христу и несение креста. Святитель отдавал Господу самое дорогое для человека — свое творчество, свое любимое дело, которому он посвятил целую жизнь. Потому так и дорог был святитель своим современникам, потому так дорог и нам. Он показал, что человек и нашего современного сознания, мыслящий нашими образами, говорящий нашим языком, пользующийся современной терминологией, может осуществлять заповеди Иисуса Христа и достигать святости. Это и тогда казалось почти чудом. Потому и могли откликнуться на его зов лучшие питомцы духовных академий, особенно родной для него Петербургской. Святейший Синод посылал их не по самовластному назначению, а по их личной просьбе, по трепетной их любви и пониманию апостольского труда святителя Николая. Когда жатва поспела, Господь послал и делателей жатвы. Он послал святому Николаю и дал ему воспитать себе достойного преемника.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 796, ед. хр. 3449, л. 279

⁶⁸ Там же, л. 45.

В 1908 г. в помощь святителю Николаю был назначен викарным епископом Сергей Тихомиров, бывший ректор С.-Петербургской духовной академии. Этому человеку было суждено стать впоследствии и преемником архиепископа Николая и так же, как он, отдать большую часть жизни Японской Православной Церкви, хотя и в новых, но также нелегких внешних и внутренних условиях. Несколько лет миссионерской и епархиальной работы вместе со святым Николаем были той школой, которая помогла ему перенести с честью все испытания.

Родился он в 1871 г. в семье священника Новгородской епархии. Окончив Новгородскую семинарию и С.-Петербургскую духовную академию, он стал преподавателем академии и затем инспектором С.-Петербургской духовной семинарии. Это дало ему педагогический опыт, пригодившийся ему в руководстве Японской Православной Миссией с ее учебными заведениями.

Через 6 лет после окончания академии он был назначен ее ректором, но через три года попросил перевода в Японскую Православную Миссию, к святителю Николаю. Просьба его была удовлетворена, он сразу после хиротонии во епископа Киотского уехал туда, зная всю нужду Миссии и епархии — и духовную, и материальную.

Свою деятельность он начал с изучения японского языка, в чем он скоро преуспел, и миссионерских поездок по Японии. О нем святитель Николай писал Святейшему Синоду, что он подает добрую надежду на то, что служение его будет долгим и многоплодным. «Своим мягким характером и всеми добрыми качествами своей души он уже приобрел любовь и уважение всех японцев». Точно гора свалилась с плеч святителя. 3 мая 1911 г. он пишет архиепископу Томскому и Алтайскому Макарию: «Теперь я могу спокойно умереть в уверенности, что дело Миссии в добрых руках».

Возникает вопрос: как смог епископ Сергей так сравнительно быстро и естественно стать сначала помощником, а потом преемником святителя Николая и почему он поехал в Японию, не зная ни страны, ни ее языка? Несомненно, что он читал доклады святого Николая, посылаемые из года в год Святейшему Синоду, показывающие и численный рост, и духовное преуспеяние, и предельную бедность Японской Церкви. Он читал эти скорбные просьбы святителя о помощи и о назначении викария, который смог бы стать его преемником, и как же нужно было поверить в апостольство святого Николая и проникнуться его стремлениями, чтобы воистину оставить всё — Родину и родную академию, обеспеченное и почетное положение, научно-богословскую работу, сверстников и друзей (он был на 35 лет моложе святителя), но, видимо, тот же духовный призыв услышал в академии отец Сергей Тихомиров, что и студент Иван Касаткин за много лет до этого, а по существу тот же зов, что слышали апостолы на берегу Тивериадского озера. Меняются обстоятельства, меняется форма, но смысл остается тот же, и человек идет на зов Господа Иисуса Христа.

Так пошел и епископ Сергей, став из ректора учеником, и за это смирение и любовь он был поставлен Господом преемником равноапостольного Николая и предстоятелем Японской Православной Церкви в сложнейших обстоятельствах мировых войн и внешнего разобщения ее с Матерью — Русской Церковью. Действительно, нужна была школа святого Николая, когда епископу Сергию пришлось в период местного националистического давления умирять церковную смуту и сохранять верность Русской Церкви.

В 1917—1918 гг. епископ Сергей не смог приехать на Родину на ее Поместный Собор, но приветствовал избрание патриарха Тихона. В 1931 г. за заслуги по восстановлению Токийского собора, пострадавшего от землетрясения в 1923 г., местоблюститель Митрополит Сергей возвел его в сан митрополита.

В 1945 г. местоблюститель Митрополит Алексей пригласил митрополита Сергия на Собор, но тот по болезни приехать не смог. Он написал: «Радуюсь созыву Собора очень... будут выбирать патриарха. Если бы и я имел право выбора, мой голос: патриарший местоблюститель Алексей, Митрополит Ленинградский и Новгородский, был бы достойнейшим патриархом. Поклон земной могилке Святейшего Патриарха Сергия». В том же 1945 г. он скончался на 50-м году священства, на 40-м году архиереяства, на 75-м году жизни. Половину жизни он провел в Японии. Патриарху Алексию он писал: «Давидов срок достигнут. Прожил эти годы «еще в силах». Устаю. «Пою Богу моему, дондеже есмь» — говорю и утешаю себя. Но надолго ли хватит меня? Во всяком случае я был законопослушен»⁶⁹.

Наиболее полное и достоверное описание последних лет служения, предсмертной болезни и кончины святителя Николая принадлежит митрополиту Японскому Сергию, в те времена еще епископу.

Физически святой Николай постепенно слабел и предчувствовал приближение смерти, но энергия его казалась неистощимой. За три года до смерти, в 1909 г., он писал епископу Сергию: «Я еще не умру в скором времени, ибо Вы находитесь в командировке, а без Вас не может быть совершена панихида». Это — дружеская шутка, но за ней — чувство глубокой духовной близости и взаимной любви обоих иерархов. Архиепископ Николай говорил: «Эх! Начать бы теперь лет с сорока! Более молодых годов не жалко. Церковь уже начата и приличная Церковь... теперь настало время ее украшать, развивать. Презанимательная работа! Весь вы ушел в нее! Вот бы, поработать бы!»⁷⁰. Но мысль о смерти не покидала его; это была простая и естественная мысль великого труженика. «Я смерти не боюсь, но если жить осталось, надо подготовиться, и перевод докончить, и завешание еще не написано, и епископу Сергию еще ничего не показано», — сказал он врачу, когда тот предупреждал его (по его просьбе) о серьезности положения и возможной близости смерти⁷¹.

Епископу Сергию святой Николай говорил: «Святой царь Давид говорит, что наша жизнь 70 или 80 лет. Как раз я теперь между семьюдесятью и восьмьюдесятью годами, и ко мне подступает смерть, хотя я этому не очень рад, не потому, что мне жаль своей жизни, а потому, что мне жаль того дела, которое я начал, но еще не окончил (т. е. перевода на японский язык богослужебных книг). Если бы мне дал Бог хоть пять лет жизни, я окончил бы это дело, по этому, видно, уже не бывать. Да, я прожил в Японии 50 лет, но я же, смотря на прошедшую жизнь, замечаю, что в течение ее ничего не сделал. Она прошла для меня, как туман. Святой апостол Павел сказал: «Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалиться, как будто не получил?» (1 Кор. 4, 7)».

Так смиренно Святитель расценивал свой великий апостольский труд. Но это смирение и эта простая человечность сочетались в нем с дивным чувством духовной свободы и радости во Христе, которое он носил в себе и передавал окружающим. Епископ Сергий не раз называет его «солнышком». Есть удивительное место в его воспоминаниях. Он просил святителя побережь себя и не ходить в церковь. А тот ответил: «Я свободный человек» и пошел. Он знал ту внутреннюю свободу, которая сильнее всякой немощи и законов плоти. О ней сказал тот же апостол Павел: «Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил... от

⁶⁹ А. Казем-Бек. Православная Церковь в Японии. «ЖМП», 1960, № 8, с. 68

⁷⁰ Сергий, еп. Японский. Памяти Высокопреосвященнейшего Николая, архиепископа Японского. Христианское чтение, 1913, январь, с. 48.

⁷¹ Из допесения епископа Сергия Святейшему Синоду от 21 февраля 1912 г. о кончине начальника Японской Духовной Миссии архиепископа Николая.

закон греха и смерти» (Рим. 8, 2). И этот закон свободы одушевил умирающего святителя, и эти слова «я свободный человек» — одни из ключевых его кредо. Он уже ничего не оставлял для себя, даже самосознания себя как церковного деятеля, даже самосознания своего апостольского подвига.

Физически он стал слабеть уже с конца ноября 1911 г. Вот отрывки его дневниковых записей: «13/XI. Целый день страдал удушьем. Вечером работал. 14/XI. Опять ночь не спал и весь день страдал, впрочем, переводом занимался». В письме к епископу Сергию 15/XI 1911 г. он пишет: «Перевод, впрочем, идет без ущерба». Последнюю литургию святитель отслужил в первый день Рождества, потом принимал поздравителей и был на ёлке в женском училище при Миссии. Особенно плохо ему стало 29 декабря и под Новый год; 11 января 1912 г. его положили в американский госпиталь святого Луки в Цукидзи. 17 января был консилиум врачей. Диагноз: совершенно расстроенное сердце, запущенная болезнь почек, склероз вен. Но и в госпитале он работал, заканчивая перевод Цветной Триоди. Последним трудом его был перевод молитв на вечерне в праздник Святой Троицы. 15 января доктор осмотрел его и сказал, что положение улучшилось и что он сможет прожить еще с десятков лет. Владыка стал быстро ходить по комнате и строить планы: «Завтра мы подготовим к печати Пентикостарион и примемся за старые переводы».

Но ему снова стало плохо. В горькую минуту физической и душевной слабости он сказал: «Чувствую, что слабею, ежедневно слабею. Хоть бы скорее кончалась эта трагедия! Ведь раз я не могу работать, какая же это жизнь!» Он потребовал выписки из госпиталя и возвратился в Миссию. Через 15 минут после возвращения он стал писать экономический отчет Миссии за 1911 г.

24 января он закончил ознакомление епископа Сергия с делами Миссии и епархии и сказал ему: «Роль наша не выше роли сохи. Вот крестьянин попахал, попахал, соха износилась, он ее и бросил. Износился и я. И меня бросят. Новая соха начнет пахать. Смотрите же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите!»⁷². 30 января отчеты были подписаны и подшиты им собственноручно. Утром 3 февраля он выпил чаю и взял банковскую книжку Миссии, выписывал цифры, но руки стали дрожать. Он сказал, показывая на них: «Так тяжело, как никогда не было. Смотрите, и пальцы уже не слушаются. Нет, кажется, умираю». В 4 часа дня началась агония. В 7 часов вечера во время чтения «отходной» святитель скончался от паралича сердца.⁷³

Он просил похоронить его около Токийского храма, а если это по местным условиям будет невозможно, то на кладбище Янака. По японским обычаям, в центре города у собора его нельзя было похоронить. Поэтому и погребли его на кладбище Янака. Десятки тысяч японцев и христиан, и язычников — провожали его, а перед гробом несли Смоленскую икону Божией Матери—Одигитрии, которую он благоговейно хранил всю жизнь и которая при жизни и при кончине его была для него благословением Родины.

⁷² Епископ Сергей. Цит. соч., с. 47—49.

⁷³ Данные о смерти, как и ряд библиографических ссылок на материалы о святом Николае, взяты из дипломной работы протоиерея Иоанна Кондрашова, студента Ленинградской духовной академии.